

Т Р И Л Л Е Р

БИЛЛ
КЛИНТОН
— и —
ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН

ПРЕЗИДЕНТ
ПРОПАЛ

Джеймс Паттерсон

Президент пропал

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Паттерсон Д.

Президент пропал / Д. Паттерсон — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098450-3

Грандиозно и до невозможности увлекательно. New York Times
Высококласное произведение. The New Yorker Этот роман любят
миллионы читателей. USA Today Берedit душу. The Wall Street Journal
Президент исчез. Мир в шоке. И причина исчезновения гораздо серьезнее,
чем все думают. Триллер, полный подробностей, которые может знать только
настоящий президент, – с интригой, которая по силам только воображению
Джеймса Паттерсона.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098450-3

© Паттерсон Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Четверг, 10 мая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Пятница, 11 мая	19
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	47
Глава 14	50
Глава 15	53
Глава 16	54
Глава 17	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джеймс Паттерсон, Билл Клинтон

Президент пропал

James Patterson and Bill Clinton

The President is Missing Copyright

© 2018 by James Patterson and William Jefferson Clinton This translation published by arrangement with The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House LLC and Little, Brown and Company, a division of Hachette Book Group, Inc.

© Абдуллин Н., Молчанов М., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Особая благодарность Роберту Барнетту – нашему юристу и другу, который свел нас для работы над этой книгой, помогал советом, умасливал нас, а время от времени щелкал кнутом.

Спасибо также Дэвиду Эллису – неизменно терпеливому и мудрому, постоянно помогавшему нам в исследованиях, с первым и вторым планами книги и бесчисленными черновиками. Без помощи и вдохновения Дэвида эта книга не получилась бы такой, какая она есть.

Хиллари Клинтон, которая жила и боролась с этой угрозой и последствиями тайных предупреждений, – за ее постоянную поддержку и напоминания быть собой.

Сью Соли Паттерсон, освоившей искусство критики и поддержки, порой одновременных.

Мэри Джордан, которая сохраняет присутствие духа в те моменты, когда все кругом теряют голову.

Денин Хоуэл и Майклу О'Коннору, которые всех нас держат в узде, чтобы мы не отвлекались и не опаздывали.

Тине Флорной и Стиву Райнхарту – за то, что помогали моему неопытному напарнику исполнять свою часть сделки.

А также сотрудникам и сотрудницам Секретной службы Соединенных Штатов и прочих органов защиты права и порядка, военным, разведчикам и дипломатам, посвятившим жизни нашему спокойствию и безопасности.

Четверг, 10 мая

Глава 1

– Специальный комитет палаты представителей начнет заседание...

Почувяв кровь, в воде кружат акулы. Их тринадцать: восемь из оппозиционной партии и пятеро – из моей. Я с адвокатами и советниками готовился защищаться от хищников, но на горьком опыте убедился: против них мало что помогает. Рано или поздно наступит момент, когда останется лишь вскочить на ноги и отбиваться.

«Не делайте этого, – умоляла меня вчера, как и много раз до того, Кэролайн Брок, глава моей администрации. – Сэр, вам нельзя идти на слушание. Ничего не добьетесь, только всё потеряете. Вы не ответите на их вопросы, сэр. Как президента вас уничтожат».

Внимательно изучаю лица тринадцати человек, сидящих передо мной за длинным столом, – такая современная испанская инквизиция. Тот, что в середине, седовласый, откашливается. Табличка перед ним гласит: «Мистер Роудс».

Лестер Роудс, спикер палаты представителей, обычно не участвует в слушаниях комитета, но сейчас сделал исключение – набрал сторонников, которые, похоже, спят и видят, как бы сорвать мою программу и уничтожить меня. Кровавая борьба за власть – древнее самой Библии, а кое-кто из собравшихся питает ко мне искреннюю ненависть. Моей отставки им будет мало. Они успокоятся, лишь засадив меня за решетку, утопив и четвертовав, стерев мое имя из истории. Черт возьми, да будь их воля, они и мой дом в Северной Каролине спалили бы и на могилу моей жены наплевали.

Вытягиваю гибкую ножку микрофона на всю длину. Неохота подаваться вперед, общаясь с членами комитета – они-то сидят в кожаных креслах с высокими спинками, прямо что твои короли и королевы. Наклониться сейчас – это как признать их власть надо мной, отдать себя на их милость.

Я один. Ни помощников, ни юристов, ни заметок. Американский народ не увидит, как я перешептываюсь с адвокатом, накрывая микрофон ладонью, а потом оборачиваюсь и заявляю в ответ конгрессмену, что, мол, не могу вспомнить ничего конкретного. Я не отступаю. Меня здесь быть не должно, и, уж конечно, быть здесь мне не хочется, но я пришел. Без поддержки. Президент Соединенных Штатов один на один с кликой обвинителей.

В углу зала сидит тройка моих главных помощников, наблюдает за происходящим. Кэролайн Брок, глава администрации; Дэнни Эйкерс, мой самый старый друг и юрисконсульт Белого дома; Дженни Брикман, заместитель главы моей администрации и старший советник по вопросам политики. Вид у всех троих стоический: лица каменные, взгляды тревожные. Они меня отговаривали. Как один твердили, что, идя на заседание, я совершаю крупнейшую в своей карьере ошибку.

И все же я здесь. Время пришло. Посмотрим, правы ли они были.

– Господин президент.

– Господин спикер. – Вообще-то сейчас я, наверное, должен был сказать «господин председатель», но для этого человека у меня еще много эпитетов, вслух которые произносить не стану.

Начать спикер может с чего угодно. Например, с замаскированной под вопрос пафосной и самоуверенной речи. С легких вводных вопросов с подвохом. Однако еще до того, как стать спикером палаты представителей, Лестер Роудс был конгрессменом средней руки в комитете по надзору, и его допросы сохранились на видео. Я этих записей насмотрелся: у него тяга начинать в лоб, брать с места в карьер и ошеломлять. Он знает – черт побери, да после Майкла

Дукакиса¹, который в 1988-м опростоволосился на первом же вопросе в дебатах о смертной казни, все знают, – что провальное вступление задаст тон всему слушанию.

Атакуют ли спикер действующего президента по тому же плану?

Разумеется.

– Президент Данкан, – начинает он, – с каких пор мы защищаем террористов?

– Мы их не защищаем, – отвечаю быстро, едва позволив ему договорить. Такие вопросы не должны висеть в воздухе. – И никогда не станем. Пока я у власти – точно.

– Вы уверены?

Я не ослышался? К лицу приливает жар. Минуты не прошло, а спикер уже меня разозлил.

– Господин спикер, – говорю, – я совершенно уверен. Предлагаю сразу все прояснить: террористов мы не защищаем.

Он выжидает немного.

– Что ж, господин президент, тогда давайте разберемся. Вы считаете организацию «Сыны джихада» террористической?

– Еще бы. – Советники предупреждали не говорить так: употребленное не к месту, это словосочетание звучит напыщенно и покровительственно.

– А еще она пользуется поддержкой России, так?²

Киваю.

– Время от времени Россия помогает «Сынам джихада». Мы осуждаем ее связи с СД и прочими террористическими организациями.

– «Сыны джихада» совершили террористические акты на трех различных континентах, верно?

– Да, совершенно верно.

– Они ответственны за гибель тысяч людей?

– Да.

– В том числе американцев?

– Да.

– Взрыв в брюссельском отеле «Белвуд армс», в результате которого погибли пятьдесят семь человек, включая делегацию членов законодательного собрания штата Калифорния? Взлом системы управления воздушным движением в Грузии, приведший к крушению трех самолетов, на борту одного из которых летел посол Грузии в Соединенных Штатах?

– Да, – говорю. – Оба этих теракта имели место до того, как я стал президентом, но да, «Сыны джихада» взяли на себя ответственность за них...

– Хорошо, поговорим о том, что происходило в течение вашего срока. Правда ли, что всего несколько месяцев назад «Сыны джихада» взломали базу данных израильских вооруженных сил и обнародовали информацию о тайных операциях и передвижении войск?

– Да, – отвечаю. – Правда.

– Ну и о том, что совсем близко, в Северной Америке, – продолжает спикер. – Буквально на прошлой неделе. В пятницу, четвертого мая. Совершили ли «Сыны джихада» очередной теракт, взломав и отключив систему управления метро в Торонто, в результате чего состав сошел с путей? Погибли семнадцать человек, несколько десятков были ранены, и еще тысячи просидели в темноте несколько часов?

Он прав, «Сыны джихада» в ответе и за это. Насчет числа жертв он тоже не ошибается; вот только для «Сынов джихада» это не был теракт.

Так, разминка.

¹ Майкл Дукакис (р. 1933) – кандидат на президентских выборах в США 1988 г.

² Здесь и далее: редакция оставляет на совести авторов изображение общеполитической картины мира в целом и роли в ней России в частности, а также живописание российских «реалий».

– Четверо из погибших в метро были американцами, я прав?

– Правы, – отвечаю. – «Сыны джихада» не брали на себя ответственность, но мы уверены, что за аварией стоят они.

Спикер кивает, просматривает заметки.

– Теперь о лидере «Сынов джихада», господин президент. Его зовут Сулиман Чиндорук, я прав?

Приехали.

– Да, Сулиман Чиндорук – лидер «Сынов джихада», – говорю я.

– А еще он – опаснейший и самый успешный кибертеррорист в мире, верно?

– Можно сказать и так.

– Он ведь мусульманин, родом из Турции?

– Турок, но не мусульманин, – поправляю. – Просто крайний националист, противостоящий влиянию Запада в Центральной и Юго-Восточной Европе. «Джихад», знаменем которого он размахивает, ничего общего с религией не имеет.

– Если верить вам.

– Если верить любому донесению разведки, что ложилось ко мне на стол. Хотите украсить слушание исламофобским выпадом – вперед, но в нашей стране от этого безопасней не станет.

Спикер выдавливает кривую улыбку.

– Как бы то ни было, он – самый опасный и разыскиваемый террорист в мире, так?

– Мы его разыскиваем, – говорю. – Мы разыскиваем всех террористов, пытающихся нанести ущерб нашей стране.

Спикер делает паузу. Обдумывает, не спросить ли снова: вы, мол, уверены? Если спросит, мне потребуется вся сила воли, чтобы не отшвырнуть в сторону стол и не схватить спикера за глотку.

– Давайте все проясним, – говорит он. – Соединенные Штаты хотят поймать Сулимана Чиндорука?

– Здесь прояснять нечего. Сомнений не было и быть не может. Никаких. Мы вот уже десять лет ловим Сулимана Чиндорука и не остановимся, пока не схватим. Так для вас достаточно ясно?

– При всем уважении, господин президент...

– Как же! – перебиваю. – Если говорят «при всем уважении», значит, об уважении речи не идет. Думайте что хотите, господин спикер, но уважение извольте проявлять – если уж не ко мне, то ко всем тем, кто не жалеет жизни ради борьбы с терроризмом и защиты страны. Мы не совершенны и никогда не будем идеальными, однако стараться не перестанем. – Делаю небрежный жест рукой. – Давайте, спрашивайте.

Сердце бешено колотится. Сделав вдох, смотрю на троицу помощников. Дженни, мой советник по вопросам политики, кивает; давно советовала быть жестче с новым спикером палаты представителей. По лицу Дэнни ничего сказать невозможно. Кэролайн подалась вперед; оперев локти в колени, сцепила пальцы в замок и подперла ими подбородок. Будь мои помощники олимпийскими судьями, Дженни дала бы за мою выходку девять баллов из десяти, а вот Кэролайн – не больше пяти.

– Я не позволю сомневаться в своем патриотизме, господин президент, – заявляет мой седовласый противник. – Народ Америки серьезно обеспокоен событиями в Алжире, а ведь мы еще до них не дошли. Народ Америки имеет полное право знать, на чьей вы стороне.

– На чьей я стороне? – Резко, чуть не сбив микрофон, подаюсь вперед. – Я на стороне народа Америки.

– Господин пре...

– Я на стороне тех, кто круглыми сутками трудится, чтобы защитить нашу страну. На стороне тех, кого не волнует, в какую сторону дуют политические ветра. На стороне тех, кто работает не за похвалу и беззащитен перед критикой. Вот на чьей я стороне.

– Президент Данкан, я всей душой болею за мужчин и женщин, которые, не зная отдыха, защищают нацию, – заверяет спикер. – Но речь не о них. Мы говорим о вас, сэр. Мы тут не в игры играем, и мне это не доставляет удовольствия.

При других обстоятельствах я бы рассмеялся. Лестер Роудс ждал этого слушания больше, чем студент колледжа ждет своего двадцать первого дня рождения. Он лично организовал этот политический цирк с единственным возможным исходом: мой промах докажут и передадут дело в Юридический комитет, чтобы начать процедуру импичмента. У восьми конгрессменов, принявших сторону спикера, на выборных участках все схвачено и подтасовано, так что посреди слушания они могут спустить штаны и начать сосать большой палец – и через два года их не то что переизберут, у них конкуренции-то не будет.

Помощники были правы: не важно, какие против меня доказательства – веские, хлипкие или вовсе несущественные, – жребий брошен.

– Спрашивайте, – говорю. – Хватит фарса.

В углу Дэнни Эйкерс вздрагивает и шепчет что-то на ухо Кэролайн: та кивает с по-прежнему бесстрастным лицом. Дэнни не нравится мой выпад, определение, которое я дал этому слушанию, – «фарс». Он не единожды говорил: мой поступок в глазах Конгресса выглядит «плохо, очень плохо» и дает повод для расследования.

Он не то чтобы ошибается. Просто не знает всей истории. У него нет допуска к секретной информации, известной мне и Кэролайн. А будь у него больше полномочий, смотрел бы на вопрос иначе. Ему открылось бы, с какой угрозой столкнулась страна.

Именно небывалая угроза и вынудила меня пойти на то, чего я сам от себя не ожидал.

– Господин президент, вы связывались с Сулиманом Чиндоруком по телефону в воскресенье двадцать девятого апреля? На позапрошлой неделе? Вы разговаривали с самым разыскиваемым террористом или нет?

– Господин спикер, как я уже многократно заявлял прежде и как вам должно быть известно, не все, что мы делаем ради страны, можно предавать огласке. Американский народ понимает: оборона страны и международные отношения – это сложные механизмы с огромным количеством подвижных частей, и некоторые из наших действий должны храниться в тайне. В том и смысл прерогативы президента.

Роудс наверняка захочет оспорить уместность прерогативы президента применительно к секретным материалам. Но Дэнни Эйкерс, юрисконсульт Белого дома, говорит, что этот раунд останется за мной, ведь речь идет о моих конституционных полномочиях в области внешней политики.

Как бы там ни было, внутри у меня все сжимается. Впрочем, Дэнни предупредил: если не пользоваться прерогативой, то можно сразу от нее отказаться. И придется отвечать на вопрос, созванивался ли я на позапрошлой неделе с Сулиманом Чиндоруком, самым разыскиваемым террористом.

– Знаете, господин президент, вряд ли американский народ примет такой ответ.

«Знаете, господин спикер, я не уверен, что американский народ примет такого спикера. На должность вас выбрал не американский народ. Вы получили каких-то там восемьдесят тысяч голосов на третьем избирательном участке в Индиане. Я же – шестьдесят четыре миллиона. Партийные приятели сделали вас своим лидером, потому что вы подняли для них чертову уйму денег и пообещали мою голову на блюде...»

С экранов телевизоров такая речь, наверное, прозвучит не очень.

– То есть вы не отрицаете, что двадцать девятого апреля созванивались с Сулиманом Чиндоруком, я прав?

– Я уже ответил на вопрос.

– Нет, господин президент, не ответили. Вам известно, что французская газета «Монд» опубликовала записи телефонных разговоров вместе с заявлениями анонимного источника о том, что в воскресенье двадцать девятого апреля этого года вы созванивались с Сулиманом Чиндоруком?

– Я читал ту статью.

– Вы отрицаете написанное в ней?

– Мой ответ остается неизменным. Не пытайтесь раскрутить меня этими своими «звонили – не звонили». Я не подтверждаю, не отрицаю и не обсуждаю то, что делаю ради страны. Особенно если в интересах национальной безопасности мои поступки требуется хранить в секрете.

– Если о них написано в одной из крупнейших европейских газет, то, выходит, это не такая уж и тайна.

– Мой ответ прежний, – говорю. Господи, как дурак...

– «Монд» сообщает, – спикер демонстрирует присутствующим выпуск газеты, – что «президент США Джонатан Данкан связался по телефону и имел разговор с Сулиманом Чиндоруком, лидером “Сынов джихада” и одним из самых разыскиваемых террористов, дабы найти общие интересы между террористической организацией и Западом». Вы отрицаете это, господин президент?

Он знает: ответить я не могу. Забавляется со мной, как котенок – с клубком пряжи.

– Я уже дал ответ, – говорю. – Повторяться не намерен.

– Белый дом так и не прокомментировал эту статью в «Монд».

– Верно.

– Зато ее прокомментировал Сулиман Чиндорук, я прав? В своем видеообращении он сказал: «Президент может молить о пощаде сколько угодно. Американцам от меня милости не видать». Он ведь так сказал?

– Так он и сказал.

– В ответ на это Белый дом выпустил свое обращение. Вот что в нем говорилось: «Белый дом не отвечает на словесные выпады террористов».

– Верно. Мы на них не отвечаем.

– Вы молили его о пощаде, господин президент?

Мой советник по вопросам политики Дженни Брикман чуть не рвет на себе волосы. У нее тоже нет допуска к секретным материалам, и потому она тоже не знает всех тонкостей дела; ее главная забота – чтобы я предстал на этом слушании как боец. «Не умеете драться, – сказала она, – не ходите. Не то вас выставят дешевой бумажной игрушкой».

Она права. Лестер Роудс мечтает отколошматить меня палкой в надежде, что из моего разорванного брюха посыплются засекреченные сведения и доказательства политических промахов.

– Вы мотаете головой, господин президент. Давайте уточним: вы отрицаете, что молили Сулимана Чиндорука о пощаде...

– Соединенные Штаты никого и ни о чем не молят.

– Что ж, хорошо, вы опровергаете заявление Сулимана Чиндорука о том, что молили...

– Соединенные Штаты, – повторяю, – никого и ни о чем не молят. Вам ясно, господин спикер? Или повторить?

– Тогда, раз вы не молили его...

– Следующий вопрос.

– Вы вежливо попросили не нападать на нас?

– Следующий вопрос.

Спикер молча просматривает заметки.

– Мое время на исходе, – наконец говорит он. – Осталось еще несколько пунктов.

С одним всё – почти всё, – но остаются еще двенадцать допрашивающих, и у каждого наготове шпильки и ловушки.

Спикер прославился не только вступительными, но и завершающими вопросами. Я даже знаю, что он скажет, а он заранее знает, что я не смогу ответить.

– Господин президент, поговорим о вторнике первого мая. О том, что случилось в этот день в Алжире.

Всего неделю назад.

– Во вторник первого мая, – говорит спикер, – группа проукраинских, антироссийски настроенных сепаратистов совершили рейд на ферму, расположенную на севере Алжира, где, по некоторым данным, укрывался Сулиман Чиндорук. Как выяснилось, он и вправду укрывался на той ферме. Сепаратисты отправились туда с намерением убить его. Однако их планам, господин президент, помешали – команда особого назначения и оперативники ЦРУ. В итоге Сулиману Чиндоруку удалось скрыться.

Я каменею.

– Приказ о перехвате отдали вы, господин президент? – спрашивает спикер. – И если да, то почему? Зачем президенту США высылать отряд на спасение террориста?

Глава 2

Председатель приветствует конгрессмена из Огайо:

– Мистер Кирнс!

Щиплю себя за переносицу. Навалилась усталость. За прошедшую неделю удалось поспать, дай бог, несколько часов, а ментальная эквилибристика, которой я, чуть ли не связанный по рукам и ногам, вынужден заниматься, отнимает уйму сил.

Перевожу взгляд на крайнего справа члена комитета. Майк Кирнс – председатель Юридического комитета палаты представителей Конгресса и протеже Лестера Роудса. Обожает носить галстуки-бабочки – умника из себя корчит. Да на листках-самоклеях порой записывают мысли масштабнее его планов.

Зато вопросы этот тип задавать умеет. До того, как выйти на политический ринг, он много лет прослужил федеральным обвинителем. Среди его трофеев – головы двух генеральных директоров фармацевтических компаний и одного экс-губернатора.

– Борьба с террористами – первостепенный вопрос национальной безопасности, господин президент; согласны?

– Целиком и полностью.

– Тогда вы должны согласиться и с тем, что любой гражданин Америки, помешавший нам в борьбе с террористами, повинен в измене.

– Я бы осудил подобные действия, – говорю.

– Сочли бы их госизменой?

– Это решать юристам и судам.

Мы с ним оба юристы, но свою позицию я обозначил четко.

– А если президент мешает борьбе с террористами, это считается уголовным правонарушением, влекущим за собой импичмент?

Джеральд Форд³ однажды сказал, что импичмент повлечет за собой любое уголовное правонарушение, если так решит палата представителей.

– Не мне решать.

Допрашивающий кивает.

– Конечно. Чуть ранее вы отказались комментировать заявление о том, что по вашему приказу спецназ армии США и оперативники ЦРУ сорвали покушение на жизнь Сулимана Чиндорука в Алжире.

– Мистер Кирнс, я сказал, что некоторые вопросы национальной безопасности не подлежат публичному обсуждению.

– Если верить «Нью-Йорк таймс», вы действовали на основании секретного донесения, в котором сообщалось, что группа антироссийски настроенных ополченцев раскрыла убежище Сулимана Чиндорука и готовит на него покушение.

– Да, читал.

Рано или поздно всякому президенту приходится принимать решения, когда верный выбор выглядит весьма непривлекательно – по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Но если ставки высоки, надо делать что должен и ждать, когда волна политического ажиотажа угаснет. Ведь это работа, которую ты клялся исполнять.

– Господин президент, вы знакомы с главой семьсот девяносто восемь восемнадцатого раздела Свода законов США?

– Я не помню весь Свод законов назубок, мистер Кирнс, но, полагаю, вы имеете в виду закон «О борьбе со шпионской деятельностью».

³ Джеральд Рудольф Форд-младший (1913–2006) – 38-й президент США.

– Совершенно верно, господин президент. В нем упоминается о злоупотреблении секретными данными, а конкретно в нем сказано, что любой, кто намеренно использует секретные данные в ущерб национальной безопасности и интересам Соединенных Штатов, совершает федеральное преступление. Я прав?

– Уверен, вы верно процитировали, мистер Кирнс.

– Подпадает ли под этот закон случай, в котором президент намеренно использует секретные данные для защиты агрессивно настроенного по отношению к нам террориста?

Нет, если верить моему советнику по вопросам политики, который утверждает, что этот раздел к президенту применить нельзя; а вот сам президент вправе рассекретить любые данные.

Впрочем, не важно. Даже начни я толковать здесь федеральные законы – а я не стану, – мне могут объявить импичмент за что угодно. И не обязательно за преступление.

Я лишь защищал страну – и повторил бы все свои действия снова. Беда в том, что рассказывать о них нельзя.

– Повторяю: я действовал, защищая страну, и всегда буду думать о ее безопасности.

Кэролайн в углу читает сообщение на телефоне и пишет ответ. Неотрывно смотрю на нее – вдруг что-то важное, и надо все бросить? Вдруг это сообщение от генерала Бёрка из Центрального командования вооруженными силами? Или от заместителя министра обороны? Или от Группы реагирования на прямые угрозы? Чтобы эту угрозу сдерживать, приходится очень многое учитывать. Неизбежное может произойти в любую минуту. Мы считаем – надеемся, – что в запасе есть еще хотя бы день, однако ни в чем нельзя быть уверенными. Следует быть наготове, постоянно быть начеку, на случай если...

– Звонки лидерам ИГИЛ⁴ – это защита нашей страны?

– Что? – возвращаюсь к слушанию. – О чем вы? Я никогда не созванивался с лидерами ИГИЛ. При чем тут вообще ИГИЛ?

Не успев договорить, я сознаю, что вляпался. Сейчас бы схватить последние слова и затолкать их обратно себе в рот... Я отвлекся, и меня застали врасплох.

– О, – произносит Кирнс, – значит, на вопрос о том, звонили ли вы лидерам ИГИЛ, вы можете ясно и однозначно ответить «нет»? Зато когда спикер спрашивает, созванивались ли вы с Сулиманом Чиндоруком, вы спешите воспользоваться prerogative... По-моему, народ Америки в состоянии уловить разницу.

Шумно выдыхаю воздух и смотрю на Кэролайн Брок. По ее лицу ничего не поймешь, хотя в сощуренных глазах почти отчетливо читается: предупреждала ведь!

– Конгрессмен Кирнс, мы обсуждаем вопрос национальной безопасности. Не пытайтесь подловить меня. Дело серьезное. Как будете готовы задавать толковые вопросы, я с радостью на них отвечу.

– В том бою на территории Алжира погиб американец, господин президент. Гражданин Америки, оперативник ЦРУ по имени Нейтан Кромарти погиб, защищая Сулимана Чиндорука от антироссийски настроенных ополченцев. По-моему, это покажется американскому народу толковым вопросом.

– Нейтан Кромарти – герой, – говорю я. – Мы скорбим о его гибели. Я лично скорблю.

– Вы слышали, что заявила его мать?

Слышал. Все слышали. После инцидента в Алжире данные о потерях засекретили. Иначе было никак. Однако чуть позже ополченцы выложили в сеть запись с мертвым американцем, и Клара Кромарти тут же признала в нем своего сына Нейтана. Она сразу открыла, что он – оперативник ЦРУ. Началось такое!.. Пресса кинулась к безутешной матери, и через несколько часов та уже требовала объяснить, с какой стати ее сыну пришлось отдать жизнь, защищая

⁴ «Исламское государство Ирака и Леванта» – террористическая организация, запрещенная в России.

того, на чьей совести гибели сотен невинных людей, в том числе американцев. Одолеваемая горем и болью, она, можно сказать, сделала всю работу за комитет, разве что не написав для них сценарий слушания.

– Вы не считаете нужным ответить на вопросы семьи Кромарти, господин президент?

– Нейтан Кромарти – герой. Он был патриотом. А еще он понимал, что бо́льшую часть наших дел, направленных на защиту страны, нельзя обсуждать публично. Я побеседовал с миссис Кромарти и искренне соболезную ее потере. Больше ничего не скажу. Не могу и не стану.

– Оглядываясь назад, господин президент, – говорит Кирнс, – вам не кажется, что политика переговоров с террористами сработала не так гладко, как хотелось бы?

– Я не веду переговоров с террористами.

– Вы им звоните. Обсуждаете нечто. Опекаете...

– Я не...

Потолочные огни мигают. Две вспышки с коротким промежутком. Кто-то стонет, а Кэролайн Брок оживляется и делает в уме пометку.

Конгрессмен, воспользовавшись паузой, вворачивает еще замечание:

– Вы дали ясно понять, господин президент, что демонстрации силы вы предпочитаете диалог. Что скорее станете говорить с террористами.

– Нет, – тяну я, чувствуя, как стучит в висках. Подобные упрощения и оголяют язвы нашей политики. – Я неоднократно повторял, что, если есть возможность уладить дело миром, я предпочту ее. Контакт – не капитуляция. Впрочем, мы что, собрались обсуждать внешнюю политику, конгрессмен? Уместно ли делать лирическое отступление в охоте на ведьм?

Кэролайн Брок вздрагивает. Ну наконец-то; нечасто с ее лица сходит каменное выражение.

– Вы называете это «контактом», я говорю «опека».

– Я не опекаю врагов. И вовсе не отказываюсь применять в борьбе с ними силу. Силовой вариант – тоже вариант, но я не воспользуюсь им до тех пор, пока не сочту таковой необходимым. Наверное, это тяжело осознать баловню судьбы, проведенное детство в роскоши загородных клубов и трастовых фондов, а в колледже сосавшему кальян на пиве и унижавшему новичков на церемониях посвящения в какое-нибудь тайное братство, где все обращаются друг к другу по инициалам. Вот я сталкивался с врагом лоб в лоб на поле боя и не пошлю, не раздумывая, в атаку наших сынов и дочерей, потому что сам был одним из этих сыновей и знаю, чем они рискуют.

Дженни подается вперед. Не хочет, чтобы я останавливался. Она всегда за то, чтобы я подробнее рассказывал о службе. «Расскажите о командировке, – просит она. – Расскажите, как попали в плен. Как вас ранили, пытали». В ходе кампании мы из-за этого постоянно спорили. Казалось бы, такая выгодная деталь биографии... Будь на то воля советников, я бы ничего больше, наверное, не обсуждал. Но я на уговоры не поддался. О некоторых вещах просто молчат.

– Вы закончили, господин пре...

– Нет, не закончил. Я уже все объяснил руководству палаты представителей. Я говорил, что мне нельзя свидетельствовать на слушании. Вы могли бы ответить: «Хорошо, господин президент, мы тоже патриоты и уважаем ваш труд, пусть даже вы не можете раскрыть деталей». Так нет же, вы не устояли перед искушением притащить меня сюда и заработать пару очков. Позвольте же заявить открыто то, что я говорил вам лично. Я не стану отвечать на каверзные вопросы касательно моих телефонных разговоров или предпринятых мною действий, потому что они связаны с угрозой нашей национальной безопасности. Если ради безопасности страны мне придется оставить пост – оставлю. Только не заблуждайтесь: все, что делал, я делал, руководствуясь прежде всего интересами Соединенных Штатов. Так было и так будет.

Оскорбления, брошенные в лицо Кирнсу, нисколько его не задели. Он лишь рад, что сумел здорово меня разозлить. И пока я пытаюсь успокоиться, просматривает заметки, схемы основных и дополнительных вопросов.

– Какое решение на этой неделе далось вам тяжелее всего, мистер Кирнс? Какой галстук повязать на это слушание? На какую сторону сделать этот дурацкий зачес?.. Я вот почти все свое недавнее время потратил на спасение страны. И порой нелегкие решения приходится принимать, не зная многих деталей. Порой все варианты откровенно хреновые, и надо искать наименее хреновые. Само собой, я терзаюсь сомнениями. И живу с тем, что мне не избежать критики, даже если исходит она от близорукого политика-приспособленца, который придирается к одному-единственному ходу, не видя при этом, как расположены на доске все фигуры, а потом выворачивает этот ход наизнанку, совершенно не догадываясь, в какое опасное положение ставит страну. Мистер Кирнс, я и хотел бы обсудить с вами все свои действия, но из соображений национальной безопасности не могу себе этого позволить. И я в курсе, что вы это прекрасно знаете, а еще – как трудно не спустить курок, когда можно выстрелить легко и наверняка.

Дэнни Эйкерс в углу вскидывает руки, показывая, что время вышло.

– Да, и знаете что? Ты прав, Дэнни, время истекло. Я закончил. Все, хватит. Закругляемся.

Взмахом руки сбрасываю микрофон со стола. Поднимаясь на ноги, опрокидываю стул.

– Я все понял, Кэрри. Нельзя мне свидетельствовать. Меня на куски порвут. Я все понял.

Кэролайн Брок поднимается и оправляет костюм.

– Ладно, всем спасибо. Просьба освободить помещение.

«Помещение» – это комната Рузвельта, напротив Овального кабинета. Самое подходящее место для встреч – или, в нашем случае, репетиции слушания комитета палаты представителей, – потому что здесь висят портреты Тедди Рузвельта: на одном он – берейтор, на другом – лауреат Нобелевской премии мира, остановивший конфликт между Россией и Японией. Окон нет, и двери легко охранять.

Все встают. Мой пресс-секретарь стягивает галстук-бабочку – милую небольшую деталь, призванную дополнить образ конгрессмена Кирнса. Виновато смотрит на меня, и я отмахиваюсь. Он лишь исполнял свою роль, отыгрывая худший сценарий, на случай если на следующей неделе я все же соглашусь давать показания.

Роль Лестера Роудса сегодня играл один из юристов Белого дома. В седом парике он больше напоминает не спикера, а Андерсона Купера⁵. Сейчас он тоже бросает на меня пришибленный взгляд, но я и его успокаиваю все тем же жестом руки.

Комната пустеет; адреналин выветривается, остаются слабость и уныние. Никто не предупреждал, что работа президента похожа на «американские горки»: головокружительные взлеты и падения, как в утробу змеи.

Наконец все уходят, и я гляжу на портрет «конного» Рузвельта над камином. Кэролайн, Дэнни и Дженни осторожно подходят к раненому зверю в клетке.

– «Наименее хреновый» мне лично понравилось больше всего, – невыразительно произносит Дэнни.

Рейчел всегда упрекала меня за ругань. Мол, крепкие выражения – показатель отсутствия творчества. Не уверен. Когда становится особенно жарко, я на ругательства очень даже изобретателен.

Так или иначе, Кэролайн и прочие ближайшие помощники знают: подставное слушание для меня – как терапия. Они надеются, что если не удастся отговорить меня от выступления,

⁵ Андерсон Хейз Купер (р. 1967) – американский писатель, журналист и телеведущий.

то репетиции хотя бы помогут выработать иммунитет к негодованию, и когда придет время, я смогу выступить достойно, без соленых словечек.

Дженни Брикман со свойственной ей утонченностью говорит:

– Надо быть полным болваном, чтобы на следующей неделе пойти давать показания.

Киваю Дженни и Дэнни.

– Мне нужна Кэрри, – говорю я. У нее одной из присутствующих допуск к тому, о чем мы сейчас будем говорить.

– Есть новости? – спрашиваю у Кэролайн, оставшись с ней наедине.

– Никаких.

– Завтра всё в силе?

– Насколько я знаю, господин президент. – Она мотает головой в сторону двери, через которую вышли Дженни и Дэнни. – Сами знаете, они правы. Вы проиграете на слушании в понедельник.

– Давай больше не будем о слушании, Кэрри. Я согласился на репетицию. Дал вам час. Всё, хватит. Есть дело поважнее, так ведь?

– Да, сэр.

– Надо поговорить с командой реагирования, потом – с Бёрком, а после – с заместителем министра. Именно в таком порядке.

– Ясно, сэр.

– Жду на месте.

Кэролайн уходит, и я остаюсь в комнате один. Смотрю на портрет первого президента Рузвельта и думаю. Но не о назначенном на понедельник слушании.

Я думаю, доживет ли вообще страна до понедельника.

Глава 3

Выходя из вашингтонского национального аэропорта имени Рональда Рейгана, она ненадолго задерживается – делает вид, будто сверяется с указателями, а на самом деле просто наслаждается открытым пространством после полета. Делает глубокий вдох, посасывая имбирный леденец; в наушниках тихо звучит причудливая первая часть концерта № 1 для скрипки.

Есть такой популярный совет: притворись счастливым. Когда за тобой наблюдают, принять беспечный вид – беспроигрышный вариант. Счастливые вызывают подозрения в последнюю очередь. Улыбающиеся, довольные люди – если не шутят и не смеются – не представляют угрозы.

Ей больше нравится выглядеть сексуальной. Эту маску проще снять, и она всегда работает: косая улыбка и важная походка по пути через терминал, с чемоданом «Боттега Венета» на колесиках. Обычная роль для нее, как пальто – надеваешь, когда надо, и снимаешь, когда нужда в нем отпала; сразу видно, как действует: мужчины ловят ее взгляд, заглядываются на ложбинку бюста, которую она намеренно оголила, так чтобы две подружки слегка колыхались. Рост метр семьдесят пять, высокие кожаные сапоги оттенка шоколада и пламенно-рыжие волосы. Женщины провожают ее завистливым взглядом и тут же ревниво смотрят на мужей.

Такую – высокую, пышногрудую, рыжую, что прячется у всех на виду, – ее, несомненно, запомнят.

Миновав терминал, она выходит к такси. Похоже, опасность миновала; ей просто не дали бы зайти так далеко. Однако радоваться рано. Ослаблять бдительность нельзя вообще. «Потеряешь сосредоточенность – ошибешься», – сказал мужчина, что лет двадцать пять назад впервые вложил ей в руки винтовку. Теперь ее девиз: хладнокровие и логика. Держать все в себе и думать.

Боль она выдает лишь прищуром глаз, скрытых за солнцезащитными очками «Феррагамо». На губах – все та же уверенная усмешка.

На улице блаженный свежий воздух. Если б только не тошнотворные выхлопы... Сотрудники аэропорта в форме орут на таксистов и направляют пассажиров к машинам. Родители сгоняют в кучи ноющих детей и катят тележки с багажом.

Она проходит в средний ряд, взглядом ища такси с номером, который запомнила наизусть, и наклейкой в виде кукушки-подорожника на дверце. Машина еще не подъехала. Тогда она ненадолго закрывает глаза и засекает время, ориентируясь на струнные в наушниках: анданте, ее любимая часть; поначалу унылое и тоскливое, звучание становится успокаивающим, почти что медитативным.

Стоит открыть глаза, и нужная машина – с тем самым номером и наклейкой в виде кукушки-подорожника – останавливается в ряду такси. Она подкатывает багаж и садится в салон. От одуряющего запаха фастфуда завтрак поднимается к горлу.

Близится финал концерта: лихорадочное звучание, быстрее, чем аллегро. Пора выключить музыку и вынуть наушники. Без ободряющего аккомпанемента скрипок и виолончелей она ощущает себя обнаженной.

– Как сегодня на дорогах? – спрашивает она по-английски со среднезападным акцентом.

Водитель бросает взгляд на отражение в зеркале заднего вида. Его наверняка предупредили, что ей не нравится, когда люди на нее смотрят слишком пристально.

«На Бах нельзя пялиться».

– Ничего так, – отчетливо произносит таксист.

Это кодовая фраза, которую Бах и хотела услышать; значит, все чисто. Она, в общем-то, не ждала осложнений на столь раннем этапе.

Можно ненадолго расслабиться. Бах закидывает ногу на колено другой и расстегивает молнию на сапоге. Затем на втором. Тихо стонет, избавившись наконец от обуви и стелек четырехдюймовой высоты. С силой проводит большим пальцем по подъему обеих стоп. Слабое подобие массажа; на заднем сиденье такси большего себе не позволишь.

Если повезет, до конца поездки не придется возвращать себе рост метр семьдесят. Метра шестидесяти пяти хватит за глаза. Расстегнув сумку, она складывает в нее сапоги «Гуччи» и достает пару слипонов «Найк».

Машина вливается в плотный поток на дороге, и Бах пригибается, а когда снова выпрямляется, то рыжий парик лежит у нее на коленях. Вместо него на голове – чернильно-черные волосы, безжалостно стянутые в пучок на затылке.

– Теперь чувствуете себя... нормально? – спрашивает водитель.

Бах не отвечает. Молча смотрит на водителя ледяным взглядом, и тот отводит глаза. Должен бы знать: Бах трепаться не любит.

Она уже давно не чувствовала себя, по выражению американцев, нормально. Ей в лучшем случае удастся ненадолго расслабиться. Но чем дольше она работает в таком стиле, чем чаще преобразается, сменяя маски, порой таясь в тени, а порой скрываясь у всех на виду, тем сильнее забывает себя настоящую, забывает, что у нее вообще есть своя личность.

Скоро это изменится – в этом Бах себе поклялась.

Сняв парик и переобувшись, застегнув и положив рядом на сиденье сумку, она поддевает пальцами края коврика. Снимает его с липучек.

Под ковриком – накрытая куском паласа панель на защелках. Бах отстегивает ее и приподнимает.

Выпрямляется и глядит на спидометр – хочет убедиться, что водитель не лихачит по глупости и что поблизости нет патрульных машин.

Потом достает из тайника в полу кейс. Кладет большой палец на сканер, и тот, почти сразу же распознав отпечаток, открывает замок.

Вряд ли наниматели копались в ее снаряжении, но лучше перестраховаться.

Бах приподнимает крышку и бегло осматривает содержимое кейса. Шепчет:

– Здравствуй, Анна.

Анна Магдалена⁶ – полуавтоматическая винтовка, воплощенная красота. Матово-черный корпус, пять выстрелов в секунду с небольшим; разбирается и собирается менее чем за три минуты при помощи одной лишь отвертки. Купить, конечно, можно и модель поновее, но Анна Магдалена ни разу не подводила, ей любая дистанция нипочем. Точность выстрелов подтвердить – теоретически – могли бы десятки людей, включая колумбийского прокурора из Боготы, который еще несколько месяцев назад носил голову на плечах, и лидера повстанческой армии из Дарфура, мозги которого полтора года назад расплескались по тарелке с бараньим рагу.

Бах убивала на всех континентах. Убивала генералов, активистов, политиков и бизнесменов. О ней известно лишь то, что она женщина и обожает музыку Баха. А еще она известна по безупречной результативности.

– Поставленная задача станет для тебя величайшим вызовом, Бах, – предупредил наниматель.

– Нет, – поправила она его тогда. – Величайшим достижением.

⁶ Анна Магдалена Бах (1701–1760) – вторая жена И.С. Баха.

Пятница, 11 мая

Глава 4

Просыпаюсь я внезапно. Таращась в темноту, ощупью нахожу телефон. Время – пятый час. Пишу Кэролайн:

Есть что-нибудь?

Она не спит и отвечает сразу же:

Ничего, сэр.

Сам ведь прекрасно понимаю: если б что-то случилось, Кэролайн позвонила бы немедленно, – но она уже привыкла к перепискам ни свет ни заря с тех пор, как узнала, с чем мы столкнулись.

Выдохнув, потягиваюсь, чтобы отпустило нервное напряжение. Заснуть больше не удастся. Сегодня – тот самый день.

Встаю на беговую дорожку в спальне. Даже с тех пор как я перестал играть в бейсбол, люблю хорошенько пропотеть на тренажере, особенно с такой работой, как нынешняя. Это как массаж перед напряженным рабочим днем. Когда у Рейчел случился рецидив рака, мне пришлось поставить дорожку в спальне, чтобы и во время тренировок присматривать за супругой.

Сегодня выбираю режим прогулочного шага, не бег и не быструю ходьбу – в моем-то состоянии, когда обострилась хроническая болезнь (вот уж не вовремя так не вовремя).

Почистив зубы, осматриваю щетку: ничего, только разводы гелевой пасты. Изобразив широкую улыбку, проверяю десны. Раздевшись, поворачиваюсь спиной к зеркалу и смотрю на себя: синяки по большей части на икрах, но постепенно перебираются и на бедра. Дело плохо.

После душа – время прочитать суточную сводку и послушать в новостях о прочих недавних событиях, которые в нее не вошли. Далее – завтрак в обеденной комнате. Завтракали мы с Рейчел всегда вместе. Она любила напомнить: «На весь мир у тебя целых шестнадцать часов, но за завтраком ты со мной».

За ужином – обычно тоже. Общались мы за едой, хотя и не всегда в столовой: пока Рейчел не умерла, мы ели за небольшим столиком на соседней кухне, где было гораздо уютнее. Порой, когда хотелось ощутить себя обычными людьми, мы ради разнообразия готовили сами. Многие лучшие моменты совместной жизни мы провели здесь, подкидывая на сковородке блинчики или раскатывая тесто для пиццы. Вдвоем, как дома, в Северной Каролине.

Проткнув сваренное вкрутую яйцо вилкой, устремляю отсутствующий взгляд в окно – на том конце Лафайет-сквер стоит Блэр-хаус; фоном работает телевизор, и звук из динамиков напоминает белый шум. Телевизор после смерти Рейчел я, кстати, поменял.

Сам не знаю, зачем включил новости. В них только и разговоров что об импичменте; любую историю так и норовят подать под этим соусом.

На канале Эм-эс-эн-би-си корреспондент-международник сообщил, что израильское правительство переправляет некоего лидера палестинских террористов в другую тюрьму; «Возможно, это часть “сделки”, которую президент заключил с Сулиманом Чиндоруком? Сделки, затрагивающей Израиль и включающей обмен пленными?»

На Си-би-эс говорят, что я планирую отдать освободившееся место министра сельского хозяйства сенатору-оппозиционеру от одного из южных штатов: «Надеется ли президент привлечь сторонников, раздавая места в кабмине?»

Переключись я на канал «Фуд нетуорк», и там, наверное, рассказали бы, как я месяц назад давал им интервью в Белом доме и признался, что мой любимый овощ – кукуруза (тем самым надеясь тайно втереться в доверие к сенаторам от Айовы и Небраски, у кого в задку свербит от желания сбросить меня с поста).

Канал «Фокс ньюс»; внизу экрана заголовок: «Разлад в Белом доме». Моя администрация якобы раскололась на два лагеря: один, возглавляемый главой администрации Кэролайн Брок, настаивает на том, что я должен выступить на слушании, другой – под руководством вице-президента Кэтрин Брандт – резко против. Репортер на фоне Белого дома тараторит:

– Реализуются экстренные планы, призванные убедить нас, что предстоящее заседание – фарс и межпартийный конфликт, исход которого предопределен. Не пытается ли президент таким образом увильнуть от дачи показаний?

В программе на «Тудэй» показывают цветную диаграмму: пятьдесят пять сенаторов из оппозиции и мои однопартийцы. Последним скоро переизбираться, и на них надавят – чтобы сменили знамя и проголосовали за импичмент.

На Си-эн-эн рассказывают, что с самого утра мы с моей администрацией собираем голоса сенаторов в свою пользу.

«Доброе утро, Америка», ссылаясь на источник в Белом доме, сообщает, будто бы я уже решил не баллотироваться в президенты повторно и попытаюсь заключить сделку со спикером палаты представителей: мне не объявляют импичмент, а я ухожу после первого срока.

Где они только берут эту чушь? Надо признать, новости громкие, а громкие продаются лучше правдивых.

Тем не менее сплетни о разладе в администрации тяжело сказываются на моих помощниках. О том, что же на самом деле произошло в Алжире или о чем я говорил по телефону с Сулиманом Чиндоруком, почти все они знают не больше Конгресса, СМИ или американского народа. Но все же, пока Белый дом в осаде, мои люди не покидают службу. Для них держаться вместе – вопрос чести и гордости. Они даже не догадываются, как это важно для меня.

Резко нажимаю кнопку вызова на телефоне. За звонок во время завтрака Рейчел прибила бы.

– Джо-Энн, где Дженни?

– Здесь, сэр. Прислать ее к вам?

– Да, будь так добра.

Входит Кэролайн Брок – ей единственной не возбраняется беспокоить меня за едой. Не то чтобы я запрещал это остальным, но такая уж у главы администрации работа: быть цербером, гонять подчиненных в хвост и гриву, чтобы мне не приходилось о таких мелочах даже думать. Она, как всегда, в строгом костюме, застегнута на все пуговицы, темные волосы собраны на затылке; на публике всегда бдительна и следит за собой. Кэролайн сама не единожды повторяла: она не заводит дружбы с подчиненными и держит их в ежовых рукавицах, поощряя старания и избавляя от лишних забот меня, дабы я мог сосредоточиться на действительно важных делах.

Впрочем, я сильно преуменьшаю ее заслуги. Работа главы администрации Белого дома – самая тяжелая. Да, Кэролайн занимается мелочами вроде кадровых вопросов и расписаний, но и крупные дела без нее не решаются. От моего имени она говорит с Конгрессом, кабинетом министров, заинтересованными группами и прессой. Она – моя правая рука, и лучшего помощника не найти. Трудится без устали, не думая о себе. Но попробуй сделай ей комплимент – отмахнется, будто сдует пылинку со своего безупречного костюма.

Еще не так давно Кэролайн Брок прочили в спикеры палаты представителей. К тому времени она трижды избиралась в Конгресс, была членом прогрессивной партии, умудрившимся победить в консервативном округе на юго-востоке Огайо, и буквально взлетела по карьерной лестнице в руководстве палаты представителей. Умная, общительная, телегеничная – просто

политический человек-оркестр. Собирая средства, Кэролайн произвела фурор и заключила союзы, позволившие получить долгожданный пост главы политического крыла нашей партии, комитета по выборам в Конгресс. Едва разменяв четвертый десяток, она уже виделась всем на высшей должности в руководстве палаты, если не больше.

Потом наступил 2010 год. Нашу партию ждали жестокие промежуточные выборы, и оппонент у нас был сильный – сын бывшего губернатора. К концу недели мы статистически шли ноздря в ноздю.

За пять дней до выборов Кэролайн с двумя ближайшими помощниками выпускала пар за полуночной бутылкой вина и позволила себе нелестный комментарий в адрес противника. Тот в недавнем заявлении безжалостно набросился на ее супруга, который в ту пору работал судебным адвокатом. Кто-то – до сих пор неизвестно, кто и как именно, – записал ее слова на микрофон. А ведь Кэролайн думала, что в закрытом ресторане никого, кроме нее и двух помощников, нет.

Своего оппонента она назвала «членососом», и всего за пару часов ее слова разлетелись по кабельным каналам и в Сети.

У Кэролайн имелось два выбора. Заявить, что это был вообще не ее голос, а ее помощники – точнее, помощницы – сказали бы, что на записи кто-то из них. Или же признать то, что в некотором смысле было правдой: она устала, захмелела и пришла в ярость из-за нападков на мужа...

Однако Кэролайн поступила иначе, сказав:

– Мне жаль, что нашу личную беседу подслушивали. Если б такое сказал мужчина, все сразу забыли бы.

Лично мне ее ответ пришелся по душе. Сегодня такое сработало бы, но тогда она лишилась поддержки социал-консерваторов и проиграла гонку. Слобда на букву «ч» Кэролайн так и не забыли, и она знала, что второго шанса не будет. К раненым бойцам политика очень жестока.

Неудача Кэролайн обернулась пользой для меня. Кэролайн открыла консалтинговую фирму и, пользуясь умом и опытом, помогала добиваться побед другим. Когда я, решив баллотироваться в президенты, задумался, кто будет руководить моей кампанией, ответ пришел сам собой.

– Хватит вам смотреть эту ерунду, сэр, – предупреждает она, а на канале Си-эн-эн в это время какой-то политический эксперт говорит, будто я совершаю «серьезную тактическую ошибку», отказываясь комментировать заявления о злополучном звонке и позволяя спикеру палаты «задавать тон делу».

– Кстати, – говорю, – ты знала, что подначиваешь меня выступить на слушании? Возглавляешь одну из противоборствующих сторон в этой гражданской войне в Белом доме?

– Как-то не заметила. – Кэролайн отходит к стене, где на обоях изображены сцены Войны за независимость. Впервые эти обои, подарок от друга, повесила здесь Джеки Кеннеди. Бетти Форд они не понравились, и та велела их снять. Президент Картер вернул обои. Так они с тех пор уходят и возвращаются. Рейчел обои понравились, и мы их повесили.

– Выпей кофе, Кэрри. А то из-за тебя я нервничаю.

– Доброе утро, господин президент, – здоровается Дженни Брикман, замглавы администрации и мой старший советник по вопросам политики. Она руководила моими кампаниями на губернаторских выборах и перешла под начало Кэролайн на президентских. Дженни – женщина миниатюрная; ее выбеленные волосы пребывают в художественном беспорядке, а в перебранке она заткнет за пояс сапожника. Она – мой улыбающийся тесак. Ради меня войну устроит, только дай волю. При этом врагов не просто расчленит; если б я не сдерживал Дженни, она бы рассекла их от горла до пупа. Растерзала бы – тактично, как питбуль, и чуть менее грациозно.

После моей победы Кэролайн занялась нашей стратегией. Одним глазом приглядывает за политической жизнью, но главная ее задача – лоббировать мою программу в Конгрессе и пропихивать мою внешнюю политику. Дженни, напротив, сосредоточилась на политике, на том, чтобы меня переизбрали. А теперь – как ни печально – на том, чтобы я продержался хотя бы до конца первого срока.

– Наши сторонники в палате настроены решительно, – докладывает она, поговорив с людьми в руководстве палаты представителей. – С нетерпением ждут вашей версии алжирских событий.

Невольно усмехаюсь:

– Скорее уж они велели передать, чтобы я «перестал жевать сопли и начал защищаться».

– Цитата почти дословная, сэр.

Мое поведение усложняет работу помощникам. Они ведь хотят меня защитить, а я своим молчанием свожу их старания на «нет». Они заслуживают знать больше, однако я пока не могу ничего рассказать.

– Придет время, – говорю я. По поводу голосования в палате представителей иллюзий мы не питаем. На стороне Лестера большинство, и его сторонникам не терпится нажать кнопку «за»: если спикер начнет голосование по поводу импичмента, мне крышка.

Зато сильная защита в палате представителей практически обеспечит нам превосходство в Сенате, где на стороне Лестера пятьдесят пять голосов против необходимых для импичмента шестидесяти семи.

– Новости от наших сторонников в Сенате точно такие же, – говорит Дженни. – Лидер Джейкоби обозначила свою позицию как «вероятная поддержка». Это ее слова. Смысл в том, что импичмент – мера экстремальная, и чтобы принять столь важное решение, требуется знать больше. Правда, сейчас они готовы лишь отказаться от скоропалительных выводов.

– Защищать меня никто не торопится.

– Повода не даете, сэр. Роудс пинает вас по яйцам, а вы не даете сдачи. Я только и слышу от них, что «ситуация с Алжиром просто беда, лучше бы президенту все объяснить».

– Ладно, Дженни, приятно было это узнать. Что дальше?

– Если б у нас в запасе был еще один...

– Что дальше, Дженни? Свой регламент в десять минут на тему импичмента ты исчерпала, а вчера я давал вам целый час на репетицию слушания. Так что пока про это хватит. Пора и о другом подумать... Ну, есть что-нибудь?

– Да, сэр, – вмешивается Кэролайн. – Предвыборная программа на следующий срок. Начинать надо сейчас, с тех пунктов, которые точно волнуют граждан и за которые они вас поддержат: минимальная оплата труда, запрет оружия, кредиты на учебу. Плохие новости надо оттенять хорошими. Создадим контрпропаганду: мол, несмотря на интриги и превратности политической жизни, вы намерены и дальше развивать страну. Пусть охотники на ведьм возводят эшафот, а вы в это время будете решать насущные проблемы.

– Не пропадут ли эти усилия на фоне разговоров об импичменте?

– Сенатор Джейкоби так не думает, сэр. Наши сторонники умоляют дать им хороший повод, чтобы сплотиться.

– То же я слышала и в палате представителей, – добавляет Дженни. – Если бросить им кость, дать нечто интересное, они вспомнят, как важно поддерживать действующего президента.

– Ах, им еще напоминать надо! – со вздохом говорю я.

– Если честно, сэр, то в сложившейся обстановке – да, надо.

– Ну ладно, – скидываю руки, – слушаю.

– На следующей неделе начните с повышения минимальной оплаты труда, – предлагает Кэролайн. – Затем переходите к запрету оружия. После – к кредитам на учебу...

– Запрет пройдет в палате представителей с той же вероятностью, что и решение переименовать аэропорт имени Рейгана в мою честь.

Кэролайн кивает, поджав губы.

– Вы правы, сэр, не пройдет. Но вы же верите в этот законопроект, и у вас хватит ресурса, чтобы за него побороться. А потом, когда оппозиция зарежет и его, и повышение минимальной заработной платы, вы покажете избирателям, за кого они отдают голоса. Заодно осадите сенатора Гордона.

Лоуренс Гордон – мой однопартиец, трижды избирался в Сенат и, как всякий сенатор, метит в президенты. Правда, в отличие от любого другого сенатора, подумывает стать оппонентом действующему президенту из своей же партии. А по вопросам обоих упомянутых законопроектов он за тех, кто против – как внутри партии, так и по всей стране. Он голосовал против повышения минимальной зарплаты и обожает Вторую поправку⁷ – по крайней мере, в толковании Национальной стрелковой ассоциации – даже больше, чем Первую, Четвертую и Пятую вместе взятые. Дженни хочет устранить его еще до старта.

– Гордону меня на предварительных выборах не обойти, – говорю. – Кишка тонка.

– Никто не следит за развитием алжирского инцидента пристальней, чем Гордон, – напоминает Дженни.

Смотрю на нее. У Дженни острое политическое чутье, зато у Кэролайн – то же чутье плюс знание внутренней кухни округа Колумбия со времен работы в Конгрессе. А еще я не встречал человека умнее ее.

– Я не боюсь, что Гордон обойдет вас на праймериз, – говорит она. – Я боюсь, что он *захочет* обойти вас. Ободряющий намек в беседе тут, лестный отзыв там... Увидел свое имя в «Таймс», на Си-эн-эн... Что ему терять? А так у него появились стимул и шанс. Кто сравнится в популярности с кандидатом в президенты? Он как запасной квотербэк⁸: сидит себе на скамейке запасных, и все его обожают. В итоге Гордон удостоится неплохого пиара, тогда как ваш рейтинг тает с каждой секундой. Гордон полон сил и чист, а вы слабы.

Киваю. Звучит логично.

– Думаю, надо дать ход проектам по минимальной заработной плате и запрету на оружие, – продолжает Кэролайн. – Тогда Гордон сам придет к нам и попросит не спешить. И окажется у нас в долгу. Поймет: если кинет нас, мы засунем ему в зад парочку законодательных актов.

– Напомни не злить тебя.

– Вице-президент согласится, – замечает Дженни.

– Ну еще бы. – Кэролайн корчит гримасу. Насчет Кэти Брандт, которая была моим главным противником во время выдвижения кандидатур, у нее большие подозрения. С Кэти, назначив ее вице-президентом, мы не ошиблись, но она отнюдь не мой ближайший союзник. Кэти быстро сориентируется и поступит в собственных интересах. Если меня попрут, она станет исполняющим обязанности – и тут же выдвинет свою кандидатуру на следующие выборы. Ей ни к чему, чтобы в борьбу включился Ларри Гордон или еще кто.

– С вашим анализом проблемы я согласен, – говорю, – однако решение кажется мне слишком сопливым. По обоим мерам я хочу выступить показательно, и ради Гордона на попятную не пойду. Оппозицию прогнем. Так и надо поступать: победим или нет, но себя покажем, а их опозорим.

Дженни в восторге.

⁷ Вторая поправка к Конституции США обеспечивает право граждан на ношение и хранение оружия.

⁸ Квотербэк – разыгрывающий игрок в американском футболе, ключевая фигура в нападении любой команды.

– Вот за этого человека я и голосовала!.. Тем не менее в глазах людей вы слабеете, и вряд ли действия во внутренней политике исправят положение. Звонок Сулиману, алжирский кошмар... Вам надо показать себя главнокомандующим. Лидером, вокруг которого сплотились...

– Нет, – перебиваю, сообразив, к чему она ведет. – Дженни, я не стану развязывать военную операцию, лишь бы только выставить себя крутым.

– Есть много верных целей, господин президент. Я же не Францию прошу захватить. Как насчет объекта на Ближнем Востоке? Тихий точный удар с беспилотника. Или полномасштабная воздушная...

– Нет. Однозначно.

Прикрыв рот ладонями, Дженни качает головой.

– Ваша супруга была права. Политик из вас действительно хреновый.

– То был комплимент.

– Разрешите высказаться прямо, господин президент? – спрашивает она.

– А до этого, значит, было не прямо?

Дженни воздевает перед собой руки, словно преподнося проблему или обращаясь ко мне с мольбой.

– Вам объявят импичмент. Если вы не переломите ситуацию, не совершите чего-то заметного, сенаторы-однопартийцы вас кинут. Я знаю, что добровольно вы в отставку не уйдете. А значит, президент Джонатан Линкольн Данкан войдет в историю благодаря всего одному достижению: его первым заставят уйти с поста.

Глава 5

Поговорив с Дженни и Кэролайн, я через коридор направляюсь в спальню. А там уже Дебора Лейн открывает сумку с медицинским добром.

– Доброе утро, господин президент.

Стягиваю галстук и расстегиваю рубашку.

– Утро доброе, док.

Она смотрит на меня оценивающе, и взгляд у нее не радостный. В последнее время я на многих произвожу такое впечатление.

– Вы снова забыли побриться, – делает замечание доктор Лейн.

– Успею. – А вообще, не бреюсь я вот уже четвертый день. Еще в колледже у меня была такая примета: не бриться неделю перед экзаменами. Внешним видом я людей поражал: волосы на голове у меня в лучшем случае светло-каштановые, зато на лице – совсем другое дело. Неким образом рыжий пигмент просачивается в щетину, окрашивая ее в огненно-каштановый. К тому же борода у меня растет очень быстро; к концу сессии меня все называли Полем Баньяном⁹.

После колледжа я и не вспоминал о примете. До сих пор.

– Вид у вас усталый, – говорит врач. – Сколько часов сегодня спали?

– Два-три.

– Этого недостаточно, господин президент.

– Следить приходится за многим.

– А не будете спать, не уследите вообще ни за чем. – Она прикладывает к моей груди стетоскоп.

Доктор Дебора Лейн – специалист-гематолог из Джорджтауна. Выросла в Южной Африке, где царил апартеид, потом бежала в Соединенные Штаты за высшим образованием, да так домой и не вернулась. Коротко стриженные волосы у нее совершенно седые, взгляд оценивающий и в то же время мягкий.

Последнюю неделю она наведывается в Белый дом ежедневно. Куда проще и не так подозрительно, если профессионального вида женщина – пусть даже не особенно скрывающая медицинскую сумку – заглядывает домой к президенту, чем если бы сам президент ежедневно наведывался в больницу Джорджтаунского университета.

Она накладывает мне на руку манжету тонометра.

– Как самочувствие?

– У меня огромный геморрой, – отвечаю. – Может, глянете, не спикер ли это палаты представителей?

Доктор бросает на меня быстрый взгляд, но не смеется. Даже не хихикает.

– А в целом хорошо.

Она светит мне фонариком в рот. Внимательно осматривает грудь, живот, руки и ноги, потом велит развернуться и осматривает сзади.

– Синяки выглядят хуже.

– Знаю. – Раньше они напоминали сыпь; теперь мои ноги смотрятся так, будто по ним прошлись молотком.

Еще во время первого срока губернатором Северной Каролины мне поставили диагноз: тромбоцитопеническая пурпура, что, в принципе, означает низкий уровень тромбоцитов. Кровь не всегда быстро сворачивается. О своей болезни я заявил публично, сказав правду: в большинстве случаев это не страшно. Мне велели избегать занятий, где можно пораниться

⁹ Поль Баньян – персонаж американского фольклора, бородатый дровосек-великан.

до крови. Для человека сорока лет никаких проблем: моя бейсбольная пора миновала давно, а участвовать в корриде или жонглировать ножами я не собирался.

Дважды, в бытность мою губернатором, болезнь обострялась, но отступила, когда я начал кампанию за пост президента. Потом вернулась, когда случился рецидив рака у Рейчел – доктор уверена, что причина обострений в излишних стрессах, – однако я тогда легко с нею справился. И вот неделю назад она напомнила о себе синяками на икрах. Сейчас, похоже, прихватило сильнее, чем прежде.

– Голова не болит? – спрашивает доктор Деб. – Не кружится? В жар не бросает?

– Нет, нет и нет.

– Утомляетесь быстро?

– Естественно, я же не высыпаюсь.

– Кровь из носа?

– Не идет, мэм.

– Десны не кровоточат?

– Зубная щетка чистая.

– В моче или стуле крови нет?

– Нет. – Тяжело оставаться скромным, когда тебя встречают с музыкой, когда финансовые рынки ловят каждое твое слово и когда в твоём распоряжении сильнейший военный арсенал. Но если хочешь вернуться на землю – поковыряйся в собственном дерьме в поисках крови.

Мыча себе что-то под нос, врач отходит.

– Я сейчас снова возьму кровь на анализ, – предупреждает она. – Вчерашние показатели меня насторожили: ниже двадцати тысяч. Сама удивляюсь, как вы сумели отговорить меня не класть вас в больницу.

– Отговорил, – напоминаю, – потому что я президент Соединенных Штатов.

– Все время забываю.

– Я еще выдам двадцать тысяч, док.

Нормальные показатели тромбоцитов – от ста пятидесяти до четырехсот пятидесяти тысяч на микролитр крови; если уровень падает ниже двадцати тысяч – это повод задуматься.

– Стероиды принимаете?

– Как едуб.

Доктор достает из сумки все необходимое, протирает мне предплечье ватным тампоном со спиртом. Радуюсь я не особенно, потому что с иглами док управляется не очень ловко. Утратила навык: специалист она просто классный, но простейшие обязанности за нее выполняют другие. Однако чем меньше людей знает о моем здоровье, тем лучше: я, может, и рассказал о болезни публично, а вот о том, как сейчас – особенно сейчас – все плохо, знать никому не обязательно. Поэтому доктору Лейн приходится делать всю работу самой.

– Предлагаю белковую терапию, – говорит она.

– Что? Сейчас?

– Да, сейчас.

– Последний раз я боольшую часть дня не мог связно говорить. Дохлый номер, док. Не сегодня.

Она замирает.

– Тогда стероидная инъекция.

– Нет. И так от таблеток в голове каша.

Доктор задумчиво склоняет голову набок. В конце концов я – не простой пациент; простые пациенты следуют предписаниям врачей. Простые пациенты не ведут за собой свободный мир.

Она снова принимается готовить меня к анализу, при этом сильно хмурясь. Затем подносит иглу к вене.

– Господин президент, – произносит доктор тоном учителя начальных классов, – вы можете командовать кем угодно, но своим телом не владеете.

– Док, я...

– Вам грозит внутреннее кровотечение. Кровоизлияние в мозг. Может случиться удар. Чем бы вы сейчас ни занимались, оно того не стоит.

Она смотрит мне в глаза, и я молчу – хотя это само по себе уже ответ.

– Все так плохо? – шепотом спрашивает врач. Потом качает головой и отмахивается. – Я... я знаю, что вам нельзя говорить.

Да, все и вправду так плохо. Напасть могут и через час, и чуть позднее сегодня же. Напасть могли и с полминуты назад, и вот-вот сюда влетит Кэролайн с новостями.

Я и на час-то не могу выбыть из строя, не то что на несколько. Рисковать нельзя.

– Надо подождать, – говорю. – Пару деньков.

Деб кивает и вводит иглу мне в вену.

– Удвою дозу стероидов, – обещаю.

Врач молча заканчивает дела, убирает пробу крови в сумку и готовится уходить.

– У вас своя работа, у меня своя, – говорит она на прощание. – Часа через два результаты анализов будут готовы. Хотя мы и так знаем, что показатели падают.

– Да уж, знаем.

В дверях Дебора Лейн оборачивается.

– Пары дней у вас не будет, господин президент. Может, не будет и одного.

Глава 6

Сегодня пусть празднуют. Нельзя им запрещать. Его небольшой отряд работал денно и нощно, упорно, самоотверженно – и добился успеха. Всем нужен отдых.

Ветер с реки ерошит волосы на голове, оранжевый кончик сигареты тлеет в сумерках раннего вечера. Стоя на балконе пентхауса, человек наслаждается видом: по ту сторону Шпрее в городе кипит жизнь. В «Мерседес-Бенц-Арена» сегодня концерт. Человек не помнит названия группы, но приглушенные расстоянием звуки позволяют различить тяжелые гитарные рифы и мощные басы. С тех пор, как он был в Берлине последний раз – каких-то четыре года назад, – город здорово изменился.

Пентхаус небольшой, но удобный: сто шестьдесят квадратных метров площади, четыре спальни и дизайнерская кухня-студия, где его отряд смеется, разгоряченно размахивая руками и заливаясь шампанским. Парни, должно быть, уже захмелели. Все они – гении в своих областях знаний и все моложе двадцати пяти; некоторые еще, наверное, даже женщину не poznали.

Вот Эльмурод: животик свисает над ремнем брюк, борода неухоженная, на голове – безвкусная синяя кепка с надписью «Vet WWII»¹⁰. А вот Махмад: скинул рубашку и пародирует бодибилдера, напрягая невзрачные бицепсы.

В дверь стучат, все четверо оборачиваются. Эльмурод открывает, и в номер входят восемь женщин; платья – в облипочку, фигуры как у моделей с разворота мужского журнала. Маленькому отряду устроят незабываемую ночь.

Человек возвращается в пентхаус и закрывает за собой скользящую дверь. К нему тут же приближается одна из проституток, азиатка, не старше двадцати лет. Грудь большие, но явно не натуральные; в глазах – наигранный интерес.

– *Wie lautet dein Name?* – спрашивает она. «Как тебя зовут?»

Человек улыбается. Проститутка просто флиртует, отрабатывая деньги; на самом деле ей все равно. Однако в мире есть люди, которые на что угодно пойдут, чтобы получить ответ на заданный ею вопрос. А ему в кои-то веки хочется ослабить бдительность и сказать искренне: «Я – Сулиман Чиндорук. И я вот-вот перезагружу этот мир».

¹⁰ Ветеран Третьей мировой войны (англ.).

Глава 7

Просмотрев план действий, подготовленный людьми Дэнни Эйкера совместно с генеральным прокурором, я закрываю папку.

Черновик указа о введении военного положения и информационно-аналитическая записка с оценкой конституционности подобных действий. Законопроект для Конгресса и проект распоряжения о временной отмене *habeas corpus*¹¹ по всей стране. Указ о контроле цен на различные виды потребительских товаров.

Остается молиться, чтобы не пригодилось.

– Господин президент, – говорит Джо-Энн, мой секретарь. – К вам спикер палаты представителей.

Лестер Роудс вежливо улыбается ей и решительным шагом входит в Овальный кабинет. Я уже встал из-за стола, чтобы поприветствовать его.

– Доброе утро, господин президент, – говорит он, пожимая мне руку и окинув меня критическим взглядом. Удивляется, наверное, с чего это я так оброс.

– Господин спикер, – отвечаю. Обычно потом я говорю «спасибо, что пришли» или «рад вас видеть», но жалко тратить вежливые слова на такого человека. Именно Роудс во время промежуточных выборов устроил так, что его партия отхватила большинство мест в палате представителей, пообещав всего лишь «вернуть нашу страну» и введя дурацкий «опросник» с оценкой моей работы. Он швырнул эти листы кандидатам и попросил оценить, как я справляюсь во внешней политике, экономике, а заодно ответить на ряд других животрепещущих вопросов, заранее склоняя всех к тому, что «Данкан – неудачник».

Вот он садится на диван, я – в кресло. Спикер оттягивает манжеты рубашки и устраивается поудобней. Одет он соответственно должности влиятельного законодателя: серо-голубая рубашка с белым воротником и манжетами и ярко-красный галстук в идеальную крапинку. Все цвета флага на месте.

Новообретенная власть кружит ему голову: он пробыл спикером всего каких-то пять месяцев, границ своей силы еще не знает, а потому особенно опасен.

– Я спрашивал себя, для чего вы меня пригласили, – продолжает спикер. – Вам ведь известна одна из легенд, которые тиражируют СМИ: дескать, мы с вами готовимся заключить сделку. Вы отказываетесь от борьбы за второй срок, а я сворачиваю слушание.

Медленно киваю. Да, слышал.

– Но я сказал помощникам: идите-ка пересмотрите видео с пытками наших ребят, которые во время «Бури в пустыне» вместе с капралом Джоном Данканом попали в плен. Представьте их испуг. Вообразите, что творилось у них в головах, если они на камеру поносили родину. Потом, говорю, попытайтесь вообразить, что иракцы сделали с Джоном Данканом, когда тот, единственный из американских пленных, отказался ругать свою страну перед объективом камеры. И вот когда эта мысль уложится у вас в голове, сказал я помощникам, задайтесь вопросом: отступится ли Джон Данкан в бою с кучкой конгрессменов?

Выходит, он так и не понял, ради чего пришел.

– Лестер, – говорю, – а знаете, почему я ни с кем это не обсуждаю? То, что было в Ираке?

– Может, из скромности?

Качаю головой:

– Скромность в Вашингтоне не живет. Причина в том, что есть вещи важнее политики. Пусть не рядовой конгрессмен, но спикер палаты представителей эту простую истину усвоить обязан. И чем скорее, тем лучше... Лестер, сколько раз за свой срок я отказывался обсуждать

¹¹ Право задержанного требовать судебного разбирательства относительно законности ограничения его свободы.

тайные операции со специальными комитетами по разведке? Или, когда случай был особенно щекотливым, с Бандой восьмерых?

Закон предписывает установить факты, прежде чем инициировать тайную операцию, а после поделиться фактами со специальными комитетами по разведке палаты представителей и Сената – желательно, до начала операции. Однако если вопрос особенно деликатен, круг посвященных лиц можно ограничить так называемой Бандой восьмерых: спикер и лидер меньшинства в палате представителей, лидеры большинства и меньшинства в Сенате, а также председатели и самые старшие члены обоих комитетов по разведке.

– Господин президент, я работаю спикером всего несколько месяцев, но за это время, насколько понимаю, вы ни разу не отступали от протокола.

– И ваш предшественник, я уверен, рассказал вам, что при нем я ни разу не нарушил правил.

– Да, так и было, – соглашается спикер. – Поэтому меня особенно тревожит, что даже Банде восьмерых ничего не известно о событиях в Алжире.

– А меня тревожит, Лестер, что вы не понимаете: раз уж на сей раз никого не посвятили в детали тайной миссии, на то должна быть веская причина.

К его бледному лицу приливает немного краски, на скулах играют желваки.

– Даже постфактум, господин президент? Если время не ждет, вам дано право сперва действовать, а раскрывать факты позже, но вы и сейчас не спешите ничего рассказывать. Вы нарушаете закон.

– Лестер, спросите себя: почему? – Откидываюсь на спинку кресла. – Зачем мне поступать именно так? Представляя вашу реакцию? Понимая, что сам преподношу вам повод для импичмента на серебряном блюде?

– Ответ может быть лишь один, сэр.

– Правда? Какой же, Лестер?

– Что ж, если говорить открыто...

– Да ладно вам, мы здесь одни.

– Ответ такой: у вас просто нет хорошего объяснения своему поступку. Пытались как-то договориться с опасным террористом, помешали ополченцам убить его, чтобы выторговать мир, дружбу, любовь на известных только вам условиях. И вам почти удалось выйти сухим из воды. Мы могли никогда не узнать об инциденте в Алжире, а вы все отрицали бы.

Он подается вперед, уперев локти в колени. Смотрит прямо на меня, так напряженно, что глаза чуть не слезятся.

– Однако убили американского парнишку, а его смерть записали на видео, показав потом миру. Вас уличили – а вы по-прежнему не желаете сознаваться, ведь письменного приказа с вашей подписью и печатью нет... Так вот, Конгресс от своих надзорных функций не откажется. Пока я у должности, я не позволю ни одному президенту творить что вздумается и заключать сделки с террористами, которые своих обязательств все равно не выполняют. До тех пор, пока...

– Достаточно, Лестер.

– ...пока я в должности спикера палаты представителей, эта страна...

– Довольно! – Вскрываю на ноги. Лестер, ошарашенный, тоже встает.

– Говорите прямо, – велю я. – Камер здесь нет. Не притворяйтесь, будто сами верите в то, что несете. Будто верите, что я просыпаюсь по утрам в одной постели с террористами и шепчу им слова нежности. Мы с вами оба знаем: я прямо сейчас велел бы пристрелить эту гниду, послужи это на благо страны наилучшим образом. Отдаю вам должное, Лестер, вы классный манипулятор. Но не везде стоит нести пургу: мол, я пытаюсь мириться с «Сынами джихада». Входя в Овальный кабинет, извольте оставлять притворство за порогом.

Лестер пораженно моргает. Как рыба, вытасченная на берег. Отвык уже, что на него повышают голос. Однако молчит, знает: я прав.

– Я, как могу, потворствую вам, Лестер. Чем дольше я держу рот на замке, тем ярче разгорается ваше пламя. Вы прилюдно вышибаете из меня пацифистскую дурь, а я сижу и лепечу: «Спасибо, сэр, можно еще?» И уж конечно, вы давно сообразили: раз я не следую своим политическим инстинктам и до сих пор не сказал ни слова, значит, на то есть чертовски серьезная причина. Значит, на кон поставлено нечто жизненно важное.

Некоторое время Лестер смотрит на меня. Затем, потупившись, прячет руки в карманы и перекатывается с носков на пятки.

– Тогда откройтесь, – говорит он. – Не разведке, не Банде восьмерых. Мне. Если все и впрямь так важно, то расскажите.

Лестер Роудс – в числе самых последних людей, кому я стал бы сообщать детали происходящего.

– Нельзя, Лестер. Нельзя. Я прошу довериться мне.

Было время, когда спикеру палаты представителей хватило бы этих слов, но то время давно прошло.

– На это я пойти не могу, господин президент.

Интересный подбор слов: не просто «не пойду», а «не могу пойти». На Лестера чудовищно давит собственный кокус¹², особенно огнеглотатели: эти реагируют на каждое слово в социальных сетях и на радио, и подливают масло в огонь. Они создали в умах масс карикатуру на меня, и уже не важно, есть ли в ней хоть толика правды.

– Вспомните кибератаку в Торонто, – говорю. – «Сыны джихада» не взяли на себя ответственность. Подумайте: где бы ни совершили теракт, они всегда берут на себя ответственность и предупреждают страны Запада: мол, не лезьте в наш уголок мира, в Центральную и Юго-Восточную Европу. Чтобы мы не вливали туда деньги, не засылали войска. А сейчас – иначе. Почему, Лестер?

– Может, сами скажете?

Я жестом приглашаю его сесть и опускаюсь в кресло.

– Не для посторонних ушей...

– Понимаю, сэр.

– На самом деле мы не знаем почему. Однако есть мысль: Торонто – лишь проба сил. Доказательство того, что у террористов есть ресурсы. Возможно, так они отработали задаток за предстоящую серьезную работу.

Откидываюсь на спинку кресла, давая Лестеру время осознать услышанное. У него глупый вид – подросток, которому надо что-то уяснить, но уяснить он ничего не может, а признаваться не хочет.

– Так почему не убить его? Зачем спасать от покушения в Алжире?

Я пристально смотрю на спикера.

– Не для посторонних ушей, – подтверждает Лестер.

Кину ему косточку.

– Мы не спасали Сулимана Чиндорука, – говорю. – Мы пытались его схватить.

Лестер разводит руками.

– А зачем мешали ополченцам?

– Они не собирались его ловить. Они пытались его убить. Хотели обстрелять его дом из ручных гранатометов.

– И?... – Лестер пожимает плечами. – Пленный террорист, мертвый террорист... какая разница?

– В данном случае огромная. Сулиман Чиндорук нужен живым.

¹² Кокус – собрание сторонников или членов политической партии или политического движения.

Лестер опускает взгляд на руки, крутит обручальное кольцо на пальце. Он обратился в слух и не говорит ни слова.

– Из разведданных мы узнали, что ополченцы выследили Сулимана, не больше. Осталось сесть им на плечи, попытаться сорвать покушение и схватить объект. Атаку-то мы сорвали, однако сам он под шумок улизнул. И да, в бою погиб американец. То, что мы пытались сохранить в тайне, всего за несколько часов разошлось по социальным сетям.

Лестер обдумывает услышанное, прищурившись и кивая.

– Вряд ли Сулиман работает в одиночку, – продолжаю я. – Полагаю, он – исполнитель, а в Торонто просто разогревался. Это была проба сил.

– А мы – основное блюдо, – шепчет Лестер.

– Верно.

– Кибератака... крупнее, чем в Торонто.

– Настолько крупная, что инцидент в Торонто покажется мелким сбоем.

– Господи...

– Сулиман Чиндорук нужен мне живым, потому что он, вероятно, единственный, кто знает, как предотвратить трагедию. А еще он может указать на заказчика и сообщников, если таковые имеются. Просто никто не должен знать то, о чем знаю или думаю я. Мне предстоит дело, чрезвычайно трудное для Соединенных Штатов Америки – сработать незаметно для противника.

До спикера как будто начинает доходить. Он откидывается на спинку дивана с таким видом, словно на руках у него все карты.

– Хотите сказать, что слушание помешает вам исполнить задуманное?

– Несомненно.

– Тогда зачем вы вообще согласились давать показания?

– Чтобы выиграть время. В начале недели вы хотели заслушать руководителей аппарата национальной безопасности, и я предложил взамен себя – лишь бы оттянуть неминуемое.

– А теперь вам нужно еще больше времени.

– Да.

– И мне теперь нужно пойти к своему кокусу и сказать, что мы даем вам отсрочку?

– Да.

– Вот только нельзя говорить почему. Нельзя передать того, что вы рассказали мне. Придется объявить, что я решил вам «довериться».

– Вы – их лидер, Лестер, вот и ведите их. Скажите, что перенос слушания – в интересах нации.

Опустив голову, он потирает ладони. Разогревается, готовясь произнести речь, которую, наверное, раз десять репетировал перед зеркалом.

– Господин президент, – начинает Лестер, – я понимаю, что вам это слушание совсем не нужно, но, так же как у вас есть обязанности, свои обязанности есть у нас. Надзирая над исполнительной властью, мы обуздываем ее. Меня выбрали на этот пост, чтобы я обеспечивал нашу работу. Я не могу вернуться к кокусу и просто скомандовать отбой.

Никакие мои слова не помогут. У Лестера есть план, и он ему следует. Если б в голове у этого человека хоть когда-нибудь зародилась бескорыстная мысль, то, выражаясь языком моей мамы, она умерла бы от одиночества.

Однако я попыток не брошу.

– Если все пройдет как надо, – говорю, – если мы предотвратим теракт, вы встанете рядом со мной. Я на весь мир заявлю, что во имя благополучия страны спикер отринул межпартийные разногласия. В Вашингтоне вы станете для всех примером. Пожизненным спикером.

Лестер кивает, откашливается. Начинает притопывать.

– Но если... – Закончить у него не получается.

– Если все пойдет не так? Возьму вину на себя. Целиком и полностью.

– Я все равно попаду под раздачу, – говорит Лестер. – За то, что отменил слушание, не объяснив причин ни своим людям, ни общественности. Не в вашей власти, чтобы я вышел сухим из воды...

– Лестер, это ваша работа. Знали вы об этом или нет, хотели вы того или нет. Вы правы: гарантий я вам дать не могу. Гарантий нет вообще. Но я – главнокомандующий, и, глядя вам в глаза, говорю: безопасность страны под угрозой и мне нужна ваша помощь. Вы согласны?

Размышляет он недолго. Стиснув челюсти, опускает взгляд на руки.

– Господин президент, я и рад бы помочь, но и вы поймите меня: на нас лежит отве...

– Черт возьми, Лестер, родина – прежде всего! – Я слишком резко вскакиваю на ноги. Накатывает слабость, гнев. – Только силы зря на вас трачу.

Лестер тоже встает. Снова оттягивает манжеты рубашки, поправляет галстук.

– Значит, до понедельника? – Он будто и не слушал меня. Ему сейчас главное – вернуться к кокусу и гордо рассказать, как устоял перед искушением.

Глава 8

Спикер Роудс уходит, а я еще некоторое время смотрю на закрытую дверь. Сам не знаю, чего я от него ждал. Старого доброго патриотизма? Чувства ответственности? Капельки веры в президента?

Ну-ну, мечтать не вредно. В меня больше не верят. Просто невыгодно стало. Людей поощряют двигаться в ином направлении.

Итак, Роудс возвращается в свой угол, чтобы возглавить армию, которой даже толком не управляет. Его собственный кокус дергается от малейшего щебета в соцсетях. Порой и моя партия немногим лучше. Сегодня поддерживать демократию значит вестись на сиюминутные блага «Твиттера», «Снэпчата», «Фейсбука» и круглосуточных новостных циклов. Современные технологии мы используем, чтобы вернуться к примитивному виду человеческих отношений. СМИ знают, *что* продается хорошо: конфликты и разногласия. Сегодня проще поддаться гневу, а не искать ответы, проще негодовать, чем думать; эмоции оттеняют логику. Ханжеские и ядовитые остроты выдают за откровенный разговор, а спокойные взвешенные ответы кажутся затасканными и неискренними. Вспоминается старый политический анекдот: «Почему вы с ходу отталкиваете людей? – Помогает экономить время».

Сегодня даже правду от лжи отличить очень непросто, потому что грань между ними с каждым днем размывается все сильнее.

Нам не выжить без свободной прессы, которая умеет соблюсти эту тонкую грань и следовать за фактами, куда бы они ни вели. Однако мир давит на журналистов, по крайней мере на тех, кто освещает политику, заставляет действовать ровно наоборот: пользуясь данной им властью, СМИ раздувают из мухи слона, цепляются к малозначительным промахам любых политиков, даже честных и деятельных.

Возникает «ложная равнозначность». Если выставляешь на свет слона в одном политике или партии, то надо срочно отыскать муху в противоположном лагере и раздуть из нее слона, чтобы тебя не обвинили в предвзятости. Тем более что «слоны» приносят определенную выгоду: сюжетам дают больше времени в вечерних новостях, в «Твиттере» тебя цитируют миллионы, и есть чем заполнить время в ток-шоу. Но когда мух не отличить от слонов, компании и правительства уделяют слишком мало времени и сил тому, что по-настоящему важно людям. И даже если мы беремся за дело, нас глушит очередная сенсация.

Однако за все приходится платить. Растут разногласия и недовольство, принимаются не те решения, упускаются возможности. Все больше политиков плывет по течению, ведь у них нет стимула для свершений; они раздувают пламя ненависти и гнева, хотя должны бы его гасить. Все понимают: так нельзя... Увы, сиюминутные выгоды соблазнительны, и мы предпочитаем верить, что наша конституция, общественные институты, верховенство закона и права выдержат любую напасть, а наши свободы и образ жизни не пострадают.

Я пошел в президенты, чтобы разорвать этот порочный круг. И по-прежнему надеюсь на успех, хотя сейчас мне надо разобраться с врагом у ворот.

Входит Джо-Энн.

– Пришли Дэнни и Алекс.

Джо-Энн раньше работала у губернатора Северной Каролины, которого я сменил. Она тогда впечатлила меня тем, как умело сопровождала передачу полномочий. Все ее боялись. Меня предупреждали: не нанимай ее, она из «этих», из оппозиции. Но сама Джо-Энн сказала мне тогда: «Господин губернатор, я недавно развелась, у меня двое детей в средней школе, и я на мели. Я не опаздываю, больничные не беру, печатаю быстрее, чем вы можете диктовать, а если станете вести себя как кретин, я первая вам об этом сообщу». С тех пор она всегда со мной. Ее старший ребенок недавно поступил на работу в Министерство финансов.

– Господин президент, – приветствует меня Дэнни Эйкерс, юрисконсульт Белого дома. В округе Уилкс, что в Северной Каролине, мы были соседями, вместе росли в крохотном городке площадью в одну квадратную милю, ютившемся между шоссе и единственным дорожным знаком. Вместе купались на речке, рыбачили, катались на скейтах, гоняли мяч и охотились. Учили друг друга завязывать галстук, прилаживать леску к удочке и подавать крученый. Вместе мы прошли через все – от начальной школы до университета Северной Каролины. Даже в армию вместе пошли, записались в рейнджеры. И только в «Буре в пустыне» я участвовал без него: Дэнни не откомандировали в отряд «Браво», как меня, и он не воевал в Ираке.

Потом, когда я, оправившись от ран, пытался – безуспешно – начать бейсбольную карьеру, Дэнни вернулся на юрфак университета. И именно он познакомил меня с третьекурницей Рейчел Карсон, когда я сам поступил туда учиться.

– Господин президент... – По Алексу Тримблу сразу скажешь – агент Секретной службы. Грудь колесом, короткая стрижка; чувством юмора не блещет, зато на удивление прямой и сильный; охраной руководит эффективно и ответственно, как военными операциями.

– Присаживайтесь. – Мне бы вернуться за стол, но я сажусь на диван.

– Господин президент, – начинает Дэнни, – мой меморандум к статье три тысячи пятьдесят шестой восемнадцатого раздела. – Вручает мне документ. – Вам длинную или короткую версию? – спрашивает он, хотя ответ знает заранее.

– Короткую. – Меньше всего сейчас хочется читать юридическую писанину. Нисколько не сомневаюсь, что меморандум подготовили тщательно. Прокурором я обожал сражения в залах суда, но Дэнни – истинный правовец: кайфует, штудирова последние решения Верховного суда, оспаривает нюансы права и ценит письменное слово. Когда я стал губернатором, он закрыл собственную фирму и пошел ко мне юрисконсультом. С обязанностями справлялся отлично, но потом тогдашний президент назначил его в Апелляционный суд четвертого округа США. Свою работу там Дэнни обожал и мог бы счастливо трудиться до конца жизни, если бы не стал президентом и не позвал его к себе снова. – Скажи просто, что мне можно, а чего нельзя.

Дэнни подмигивает.

– По закону, от охраны отказываться нельзя. Однако есть прецедент: можно отказаться временно, воспользовавшись правом на уединение.

Алекс Тримбл смотрит на меня тяжелым взглядом. Эту тему я с ним обсуждал ранее, так что он не удивлен.

– Господин президент, – произносит Алекс, – при всем уважении, вы ведь несерьезно?

– Серьезнее некуда.

– Но ведь не сейчас же...

– Решено.

– Можно расширить защитный периметр, – предлагает Алекс. – Или выслать группу вперед вас.

– Нет.

Алекс стискивает подлокотники кресла, слегка приоткрыв рот.

– Хочу на минутку остаться наедине со своим юрисконсультом, – прошу я.

– Господин президент, не надо, прошу вас...

– Алекс, оставь нас с Дэнни на минутку.

Тяжело вздохнув и покачивая головой, тот выходит.

Дэнни оглядывается на дверь, желая убедиться, что он и вправду ушел. Потом оборачивается ко мне.

– Сынок, да ты безумнее мартовского зайца, – пародирует он мою маму, вспомнив ее любимую присказку. Он помнит их все, не хуже моего. Родители Дэнни – хорошие, работающие люди – дома бывали нечасто. Отец работал на грузоперевозках и надолго уезжал, а мать трудилась в ночную смену на местном заводе.

Мой отец преподавал математику в старших классах и погиб в автокатастрофе, когда мне было четыре. Мы с матерью жили на пособие и то, что ей удавалось заработать официанткой в закусочной «У Кудрявого Рея» недалеко от Миллерс-Крик. Зато ночевала она дома и помогала Эйкерсам с Дэнни. Мать любила его как родного, а он у нас проводил времени не меньше, чем со своими.

Обычно стоит ему напомнить о детстве, как я улыбаюсь. Однако сейчас я лишь подаюсь вперед и потираю ладони.

– Так ты расскажешь мне, что происходит? – начинает Дэнни. – А то я уже с ума схожу.

Почувствуй себя в моей шкуре!.. Дэнни умеет меня успокаивать. Став президентом, в нем и в Рейчел я находил утешение в трудные минуты. Поднимаю на него взгляд.

– Мы сейчас не форель ловим в Гарден-Крик.

– Славно. Ты и под страхом смерти не смог бы как следует забросить удочку.

И снова я не улыбаюсь.

– Эй. – Дэнни пересаживается на диван и шутливо бьет меня по коленке. – Ты же не в одиночку все будешь разруливать. Я с тобой. Я всегда был рядом, во все времена. И всегда буду.

– Да... знаю. Знаю.

– Дело не в импичменте – это само собой разрешится... Так в чем? Лестер Роудс? Да он такой тупой, что не сумеет слить мочу из ботинка, даже если ему дадут инструкцию.

Дэнни достал из нафталина еще одну коронную фразу мамы Лил. Напоминая о ней, он напоминает и о ее силе. Когда погиб папа, мама держала меня в черном теле – не хуже иного сержанта-инструктора. Лупила меня по башке за грамматические ошибки и просторечия, обещала шкуру с меня спустить, если не поступлю в колледж. Рано утром уходила на работу, а возвращаясь, приносила два пенопластовых контейнера еды – ужин для меня и Дэнни. Потом садилась проверять наши уроки, расспрашивая, как прошел день в школе, а я массировал ей ноги. Мама любила повторять: «Вы, мальчики, не настолько богаты, чтобы плохо учиться».

– Дело в другом, да? – спрашивает Дэнни. – В том, о чем мне нельзя рассказывать, из-за чего ты в последние две недели перекроил половину рабочего графика? Из-за чего так живо заинтересовался военным положением, *habeas corpus* и контролем цен? Из-за чего молчишь как рыба, когда тебя спрашивают о Сулимане Чиндоруке и Алжире, и пока Лестер Роудс вышибает из тебя дух?

– Да, – говорю. – Все из-за этого.

– Ясно. Насколько все плохо по шкале от одного до десяти?

– Тысяча.

– Боже! И ты просишь спустить тебя с поводка? Должен сказать: мысль просто ужасная. Может, и так, но лучше идей нет.

– Ты напуган, – замечает Дэнни.

– Да уж, напуган.

Некоторое время сидим молча.

– Знаешь, когда я последний раз видел тебя таким напуганным?

– Когда в Огайо за меня отдали больше двухсот семидесяти электоральных голосов?

– Нет.

– Когда узнал, что отряд «Браво» отправляют в бой?

– Нет, сэр.

Я приглядываюсь к Дэнни.

– Когда мы выходили из автобуса в Форт-Беннинге, – говорит он. – Сержант Мелтон кричал: «Где эти Е-четыре? Где эти мажоры и спиногрызы?» Мы еще из салона не выбрались, а он уже точил нож на вчерашних студентов, которые начинали службу в офицерском чине и с повышенным жалованьем.

– Помню, – хихикнув, говорю я.

– Ну вот. И как он муштровал нас до потери пульса, тоже помнишь? Никогда не забуду выражение твоего лица, когда мы шли на выход из автобуса. У меня, наверное, было такое же. Тряслись мы, как мыши в змеином логове. А помнишь, как ты повел себя?

– Штаны обмочил?

Дэнни смотрит на меня прямо.

– Неужели забыл, рейнджер?

– Чесслово.

– Ты пошел вперед меня.

– Правда?

– Правда-правда. Я-то сидел у прохода, а ты – у окна, и мне было выходить первым. Но когда сержант заорал, ты локтем отпихнул меня в сторону, чтобы выйти раньше. Страх страхом, однако ты инстинктивно решил защитить меня.

– Ха... – Совсем этого не помню.

Дэнни хлопает меня по ноге.

– Так что можете бояться сколько угодно, президент Данкан, – говорит он. – Но свою судьбу я вверяю вам.

Глава 9

В теплых лучах солнца и под звучание музыки в наушниках – «Сонаты и партиты для скрипки соло» Иоганна Себастьяна – Бах решает, что прогулка по Национальному моллу – не худший вариант провести время.

Мемориал Линкольна – греческие колонны и высоченная стела, водруженная на цоколь с бесчисленными ступенями – больше подошел бы грозному божееству, а не президенту, известному своей скромностью. Впрочем, такое противоречие – суть Америки и типично для нации, которая зиждется на свободе и правах человека и которая запросто попирает эти же права и свободы за рубежом.

Впрочем, геополитикой Бах не интересуется. И страна, и памятник, как ни странно, великолепны. Фонтан и блики утреннего солнца на воде, памятники ветеранам войн – особенно Корейской – неожиданно трогают за душу. Однако больше всего Бах понравилось место, которое она посетила чуть ранее, – театр Форда, место самого громкого убийства президента в истории страны.

Яркое солнце слепит глаза, и потому огромные очки Бах только к месту. На шее у нее фотоаппарат, и она не забывает делать снимки, фотографирует все подряд: памятник Вашингтону, крупные планы Эйба Линкольна, Франклина и Элеонор Рузвельтов, надписи на памятниках ветеранам, – старательно демонстрируя, как проводит день Изабелла Меркадо (ее имя по фальшивому паспорту).

В наушниках тем временем проникновенно поет хор, неровно играют скрипки в «Страстях по Иоанну»: идет драматическое противостояние Пилата, Христа и народа.

*Weg, weg mit dem, kreuzige ihn!*¹³

Бах по привычке закрывает глаза, растворяясь в музыке, представляя себя в лейпцигской церкви Святого Николая 1724 года, на первом исполнении «Страстей». Пытается вообразить, что чувствовал их автор, когда произведение ожило и погрузило прихожан в пучину своей красоты.

Она родилась не в том веке.

Открыв глаза, Бах видит на скамейке мать и ребенка. Тело охватывает трепет. Бах вынимает наушники, смотрит, как дитя сосет грудь; на лице матери играет легкая улыбка. Это называют «любовь».

Бах помнит любовь. Помнит мать – скорее свои чувства к ней, а не образ, хотя последнее помогают сохранить в памяти два снимка, с которыми Бах умудрилась бежать из дома. Куда лучше она помнит брата, но, к несчастью, озлобленным: последний раз, когда они виделись, в его глазах полыхала чистая ненависть. Сейчас он женат, у него две дочери. Наверное, счастлив. Наверное, любит.

Сунув в рот очередной леденец, Бах тормозит такси.

– Угол Юго-Западной Эм-стрит и Юго-Западной Капитол-стрит, – называет она адрес, как турист.

Ее тошнит от жирного запаха и резких поворотов. Бах вставляет наушники, лишь бы отгородиться от болтливого водителя-африканца. Платит наличными, а после, у входа в паб, переводит дух на свежем воздухе.

Здесь на огромных блюдах подают мясо убитых животных с гарниром из жареных овощей. Бах предлагают отведать начос: жареные тортильи, расплавленный сыр, овощи для вида и все то же мясо несчастных животных.

¹³ Возьми, возьми, распни Его! (нем.). По Ин. 19:15: «Но они закричали: возьми, возьми, распни Его!»

Бах не ест животных. Она не убила бы зверя. Звери этого ничем не заслуживают.

Она сидит за стойкой, лицом к окну. Призматроны предлагают множество сортов пива, разнообразный фастфуд, «автокредиты», рекламируют магазины одежды и анонсируют фильмы. Пешеходов много, но в пабе почти пусто: время только одиннадцать утра, для обеденной толчеи, как ее тут называют, рановато. В меню ничего подходящего, и Бах заказывает безалкогольный напиток и суп.

Небо потихоньку затягивает пепельными облаками. В газете писали о тридцатипроцентной вероятности дождя. Значит, шансы выполнить задание сегодня – семьдесят процентов.

Рядом слева садится мужчина. Бах смотрит ровно перед собой, на стойку, и ждет, когда появится кроссворд.

И вот мужчина кладет перед собой газету с кроссвордом. В верхней строчке по горизонтали он пишет:

всего готово

Бах, не отрывая взгляда от карты Национального молла, берет шариковую ручку и пишет на полях по верхнему краю:

грузовой лифт?

Мужчина изображает задумчивость и постукивает карандашом по уже написанному слову.

Официант приносит напиток, и Бах, сделав большой глоток, наслаждается игрой пузырьков на языке. Пишет:

поддержка?

Мужчина снова постукивает карандашом по написанному слову. Затем в вертикальной строчке пишет:

документы.

Бах отвечает:

есть.

Потом добавляет:

если дождь встреча в 9?

Мужчина пишет:

будет сухо.

Бах закипает от гнева, однако ждет и молчит.

В строке по горизонтали ниже мужчина дописывает:

давдевать.

Затем встает и уходит, так ничего и не заказав. Газету с кроссвордом оставляет на стойке, и Бах забирает ее. Разворачивает, притворяясь, будто заинтересовалась статьей. Карту и газету она потом порвет и выбросит в разные мусорки.

Она планирует сегодня же покинуть страну. В себе почти не сомневается, разве что погода ей неподвластна.

Бах в жизни никогда не молилась, но если б верила в Бога, то просила бы отвести дождь.

Глава 10

Половина второго дня. Мы в Зале оперативных совещаний: здесь полная звукоизоляция и нет окон, воздух прохладный.

– Завтра Монтехо объявит военное положение по всему Гондурасу, – докладывает Брэндан Моэн, советник по национальной безопасности. – Он уже посадил почти всех своих политических соперников и готов идти дальше. В стране нехватка продуктов питания, и он наверняка введет контроль цен, чтобы оттянуть народные волнения еще хотя бы на несколько дней. По нашим оценкам, у «Патриотас» в соседнем Манагуа армия в двести тысяч человек, и они лишь ждут приказа. Если Монтехо не сбавит обороты...

– Не сбавит, – бросает вице-президент Кэти Брандт.

Моэн, бывший генерал, терпеть не может, когда его перебивают, однако субординацию уважает.

– Согласен, госпожа вице-президент, он не успокоится. Причем если не сумеет сдержать военных, тогда его свергнут. А если сумеет, то, по нашим оценкам, через месяц Гондурас охватит гражданская война.

Оборачиваюсь к Эрике Битти, директору ЦРУ. Тихая педантичная женщина с короткими седыми волосами и синяками вокруг темных глаз. Шпион до мозга костей, человек-призрак на бессрочной службе. Разведка завербовала ее еще в колледже и отправила в Западный Берлин, где она в 1980-х руководила тайными операциями. В 1987-м Эрику схватили агенты Штази, восточногерманской службы госбезопасности; якобы поймали ее по своей стороне от Стены, с фальшивым паспортом и архитектурными планами их штаба. Ее допрашивали почти месяц, а потом отпустили. Когда Стена пала и Германия объединилась, архивы Штази рассекретили: Эрику жестоко пытали – и ничего не добились.

Начался карьерный рост: она стала одним из ведущих специалистов по России, консультировала Объединенный комитет начальников штабов, руководила операциями ЦРУ в странах бывшего СССР и Варшавского договора. И в конце концов попала в руководство ЦРУ. Избираясь, я пригласил ее главным советником по России. Разговаривает она редко, да и то если обратиться к ней напрямую, но если уж разговоришь, то узнаешь о президенте Дмитриии Чернокове больше, чем он знает о себе сам.

– Что думаете, Эрика? – спрашиваю ее.

– Монтехо играет на руку Чернокову. Тот положил глаз на Центральную Америку с тех самых пор, как стал президентом. Лучшей возможности закрепиться там у него пока еще не было. Монтехо превращается в фашиста; на его фоне «Патриотас» выглядят борцами за свободу, а не марионетками России. Он «от и до» следует сценарию Чернокова. Монтехо – трус и болван.

– Тем не менее это наш трусливый болван, – напоминает Кэти.

Она права. Нельзя пускать в Гондурас марионеток «Патриотас». Россия будет только рада закрепиться в Центральной Америке.

– Годные варианты вообще есть? – спрашиваю я.

Все молчат.

– Тогда переходим к Саудовской Аравии. Какого хрена там происходит?

Слово берет Эрика Битти:

– Саудовцы арестовали несколько десятков человек, обвинив их в заговоре: мол, покушались на короля Саада ибн Сауда. Вроде бы, нашли оружие и взрывчатку. До покушения дело не дошло. Саудовцы сообщают, что убийцы «вышли на финальную стадию» подготовки, но «Аль Мабахит» устроил облавы и массовые аресты.

Сааду ибн Сауду всего тридцать пять, он младший сын бывшего короля. Год назад его отец перетасовал правительство и немало поразил всех, объявив кронпринцем и наследником престола Саада. Тогда многие саудиты огорчились. Не прошло и трех месяцев после возвышения Саада ибн Сауда, как его отец преставился, сделав парня самым молодым королем Саудовской Аравии.

До сих пор ему приходилось нелегко. Он переусердствовал, используя государственную полицию «Аль Мабахит» – несколько месяцев назад за одну ночь казнил больше десятка инакомыслящих. Неприятно. Однако что я мог поделаться? Он нужен мне на престоле страны. В нестабильной Саудовской Аравии наше влияние сильно ослабнет.

– Кто стоит за покушением, Эрика? Иран? Йемен? Или это внутренние дела?

– Никто не знает, сэр. Неправительственные правозащитные организации твердят, что не было никакого заговора, что это лишь предлог для короля избавиться от соперников. Под раздачу попали менее влиятельные члены монаршей семьи. В ближайшее время там будет жарко.

– Наше участие?

– Мы предложили поддержку, но до сих пор нас в дела не посвятили. Ситуация... напряженная.

Беспорядок в самом стабильном регионе Ближнего Востока. А мне приходится решать свои задачи... Только этого не хватало.

* * *

В половине третьего я снова в Овальном кабинете и говорю по телефону:

– Миссис Копецки, ваш сын был героем. Мы благодарны ему за службу на благо родине. Я молюсь за вас и вашу семью.

– Он любил... любил свою страну, президент Данкан, – дрожащим голосом отвечают мне. – И он верил в свою миссию.

– Я не сомневаюсь...

– Зато я – нет, – перебивает женщина на том конце провода. – Не знаю, что мы там забыли, в тех краях. Неужели они сами не могут разобраться, как управлять своей поганой страной?

Потолочные огни быстро мигают. Да что у нас со светом?

– Я понимаю, миссис Копецки.

– Зовите меня Маргарет, как все. Можно называть вас Джон?

– Маргарет, – обращаюсь я к матери, которая только что потеряла девятнадцатилетнего сына, – зовите меня как вам угодно.

– Я знаю, что вы планируете уйти из Ирака, Джон. Так не пора ли прекратить планировать и просто уйти к черту оттуда?

* * *

В четвертом часу, по-прежнему в Овальном кабинете, встречаюсь с Дэнни Эйкерсом и Дженни Брикман, советником по вопросам политики.

Входит Кэрлайн и в ответ на немой вопрос коротко и сдержанно кивает: новостей по-прежнему нет, все без изменений.

Сосредоточиться на обычных делах тяжело, а приходится. Мир не перестанет вращаться из-за нависшей над нами угрозы.

– По поводу запроса из Министерства здравоохранения и социальных служб, – начинает Дэнни. Настроения для презентации министра здравоохранения и соцслужб у меня сегодня

нет, не хочу тратить время на несущественные вопросы, поэтому я попросил заняться этим делом Дэнни, чтобы тот потом все мне пояснил.

– Насчет программы «Медикейд»¹⁴, – напоминает он, – в Алабаме. Вы же помните, что Алабама – один из штатов, которые не приняли расширение программы в рамках реформы здравоохранения и защиты пациентов?

– Разумеется.

Тут Кэролайн вскакивает с места и устремляется к двери. Не успевает она добежать, как дверь открывается, и мой секретарь Джо-Энн вручает ей записку.

Дэнни, видно, прочел выражение на моем лице и замолкает.

Кэролайн, просмотрев записку, поднимает на меня взгляд.

– Вас ждут в Зале оперативных совещаний, сэр.

Если – если! – это то, чего мы боялись, то об этом впервые узнают и все остальные.

¹⁴ Государственная программа по оказанию медицинской помощи малоимущим.

Глава 11

Спустя семь минут мы с Кэролайн входим в Зал оперативных совещаний.

Сразу же становится ясно: дело в другом. Теракт пока не состоялся. Сердце замедляет бег. Мы тут, конечно, не в игры играем, но с кошмаром пока не столкнулись. Пока.

Нас встречают вице-президент Кэти Брандт, советник по национальной безопасности Брэндан Мозн, председатель Объединенного кабинета начальников штабов адмирал Родриго Санчес, министр обороны Доминик Дэйтон, а также Сэм Гэбер, министр внутренней безопасности, и директор ЦРУ Эрика Битти.

– Они в Центральном Йемене, в городке под названием Эль-Байда, – докладывает адмирал Санчес. – Вдали от эпицентра боевых действий. Возглавляемая саудовцами коалиция – в сотне километров от них.

– Зачем эти две стороны встречаются? – спрашиваю я.

Отвечает Эрика Битти, директор ЦРУ:

– Мы не знаем, господин президент. Абу-Дик – глава военных операций «Аш-Шабаба»¹⁵, а аль-Фадли – военачальник «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове. – Она выразительно замолкает.

Высшие военные чины сомалийских террористов и «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове решили встретиться.

– Кого еще там заметили?

– Абу-Дик привел с собой небольшую свиту. Зато аль-Фадли с семьей. Как обычно.

И то верно. Он вечно таскает с собой близких, чтобы не стать для нас легкой мишенью.

– Сколько их?

– Семеро детей: пять мальчиков и две девочки, в возрасте от двух до шестнадцати. И еще жена.

– Где они? В смысле, на каком объекте?

– Встречаются в медресе, – отвечает Эрика и спешит добавить: – Детей поблизости нет. Не забывайте, у нас с ними разница восемь часов, там сейчас ночь.

– Никаких детей, – уточняю я, – кроме пятерых сыновей и двух дочерей аль-Фадли.

– Так точно, сэр.

Эта сволочь прикрывается семьей, как живым щитом. Дразнит нас: мол, убейте и их, если хотите достать меня. Что за трус такой!

– Можно как-то разделить аль-Фадли и его близких?

– Ну, он и дети в разных частях медресе, – сообщает Санчес. – Взрослые собрались в одном из классов, а дети спят в большом помещении. Скорее всего, в спортивном или актовом зале.

– Вот только ракета разнесет здание целиком, – бормочу я.

– Надо полагать, что да, сэр.

– Генерал Бёрк, – произношу я в микрофон. – Комментарии?

Бёрк – генерал-полковник и глава Центрального командования вооруженных сил – на связи с нами из Катара.

– Господин президент, я прекрасно знаю, что эти двое – приоритетные цели. В своих организациях они – лучшие военные умы. Абу-Дик – это Дуглас Макартур «Аш-Шабаба», а аль-Фадли – лучший стратег «Аль-Каиды». Такой возможности может больше не представиться.

¹⁵ «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин» (араб. «Молодежное движение моджахедов») – сомалийская террористическая группировка, запрещенная в России.

Все относительно. Убитых заменят, и тем больше придет людей им на смену, чем больше мы погубим невинных. Однако если ударим сейчас, то нанесем террористам ощутимый урон. Пусть не обманываются: за спинами своих семей им от нас не спрятаться.

– Господин президент, – говорит Эрика Битти, – мы не знаем, сколько продлится встреча. Вдруг уже сейчас заканчивается? Эти два командира явно хотят сказать друг другу нечто важное, поделиться некими сведениями, которые не передашь через курьера или по электронной почте. Причем очень скоро они разъедутся.

Другими словами, сейчас или никогда.

– Род? – обращаюсь я к председателю Объединенного комитета начальников штабов, адмиралу Санчесу.

– Советую ударить.

– Дом? – Министру обороны.

– Согласен.

– Брэндан?

– Согласен.

– Кэти?

Вице-президент думает недолго. Шумно выдохнув, убирает седую прядку за ухо и отвечает:

– Он сам так решил, мы не заставляли его прикрываться близкими. Я согласна, надо бить.

Перевожу взгляд на директора ЦРУ.

– Эрика, имена детей известны?

Она уже хорошо меня знает. Протягивает заранее подготовленный список из семи имен.

Прочитываю его, начиная с самого старшего, шестнадцатилетнего сына Ясина и заканчивая младшей, двухлетней дочерью Салмой.

– Салма, – вслух произношу я. – Это ведь значит «мир», да?

Эрика откашливается.

– Вроде бы да, сэр.

Представляю себе ребенка, мирно спящего на руках у матери. Вдруг Салма вырастет и станет той, что изменит мир? Вдруг она поведет нас к пониманию, и мы забудем все разногласия? Разве не должны мы верить в то, что однажды это и правда случится?

– Может, дождаться, пока закончится встреча? – предлагаю я. – Стороны разъедутся, мы отследим кортеж Абу-Дика и устраним его. Один мертвый террорист – не два, но лучше, чем ничего.

– А как же аль-Фадли? – спрашивает председатель Санчес.

– Отследим и его кортеж. Когда он разделится с близкими, тогда и ударим.

– Сэр, с близкими он не разделится. Вернется в густонаселенную область и там затеряется. Как обычно. Мы его упустим.

– Аль-Фадли редко выходит из убежища, – напоминает Эрика Битти. – Нам выпал потрясающий шанс.

– Потрясающий... Ну да. Убить семерых детей это... потрясающе.

Я встаю и отхожу к стене, прохаживаюсь вдоль нее, повернувшись спиной к совету. Слышу голос Кэти Брандт:

– Господин президент, аль-Фадли – не идиот. Если мы ударим по кортежу Абу-Дика в километре или двух от места встречи, он поймет, почему его пощадили, и тогда распространит среди братьев по оружию весть: держите детей ближе к себе, и американцы вас не тронут.

– На наших детей им плевать, – говорит Эрика Битти.

– Так чем мы лучше их? – спрашиваю. – Ничем? Они убивают наших детей, а мы – их?

Кэти вскидывает руку.

– Нет, сэр, я не то имею в виду. Их цель и есть гражданское население, а мы по мирным гражданам намеренно не бьем. Только в крайнем случае. Нанесем точечный военный удар по лидеру террористов, а не ударим наобум по мирному населению и детям.

Веский аргумент, не поспоришь. Вот только для террористов нет разницы между их атаками и точечными ударами Вооруженных сил США. Они не могут выпустить по нам ракету с беспилотника, не могут сразиться с нашей армией или авиацией. Им остается взрывать мирных граждан. Это их версия точечных военных ударов.

Разве мы – как они? Разве мы не запрещаем удары, при которых точно погибнут невинные дети? Одно дело – непредвиденные жертвы, но сейчас-то мы знаем о последствиях заранее.

Род Санчес смотрит на часы.

– С минуты на минуту этот спор может стать бесполезным. Вряд ли наши цели задержатся...

– Да, мне уже говорили, – перебиваю я его.

Закрыв глаза, опускаю голову. Мои советники – команда высококомпетентных и хорошо обученных профессионалов, однако решение принимать мне. Отцы-основатели неспроста поставили во главу армии гражданского человека. Дело ведь не только в военных успехах, а еще и в политике, ценностях, в национальной идее.

Как я могу убить семерых детей?

Ты убиваешь не их. Ты убиваешь двух террористов, которые замыслили очередной удар по мирным людям. Аль-Фадли своих отпрысков губит сам – тем, что прячется за их спинами.

Тем не менее, жить им или умереть, зависит от меня. Однажды я предстану перед Создателем и как тогда оправдаю их смерть?

Если ты дашь им уйти, то оправдаешь их трусливую тактику.

Не имеет значения. Важна жизнь семерых невинных детей.

Подумай: невиданное дело, высокопоставленные террористы встречаются лично. Зачем? Должно быть, готовят крупный теракт. Погибнет куда больше, чем семь детей. Останови их сейчас – и предотвратишь атаку. Спасешь множество жизней.

Открываю глаза. Делаю глубокий вдох и жду, пока успокоится сердце. Оно не успокаивается. Только бьется сильнее.

Я знаю ответ. Знал его с самого начала. Я медлил не потому, что хотел узнать его, а потому, что хотел найти себе оправдание.

Шепотом произношу молитву – за тех детей, за то, что однажды президентам больше не придется принимать подобных решений.

– Господи, помоги нам, – говорю я. – Нанесение удара одобряю.

Глава 12

Мы с Кэролайн возвращаемся в Овальный кабинет. Стрелки на часах мучительно медленно ползут к цифре пять. Мы молчим. Пяти часов вечером в пятницу ждут многие мужчины и женщины – конец рабочей недели, можно наконец-то расслабиться и побыть с семьей. Однако мы с Кэролайн последние четыре дня ждали этого часа, даже не зная, чем он обернется: началом чего-то или концом.

Все началось в прошлый понедельник. Чуть за полдень мне позвонили на личный сотовый, когда я и Кэролайн жевали сэндвичи с индейкой на кухне. О надвигающейся угрозе нам было известно, не понимали мы только ее масштаба. Как ее остановить, тоже не знали. Миссия в Алжире провалилась, и свидетелем тому стал весь мир. Сулиман Чиндорук по-прежнему разгуливал на свободе. На следующий день, во вторник, весь аппарат моего советника по национальной безопасности получил повестки: их показания хотела заслушать специальная комиссия палаты представителей.

Но стило мне отложить сэндвич и ответить на звонок, как все изменилось. Ситуация встала с ног на голову, и для меня впервые забрезжил крохотный лучик надежды. А еще я как никогда испугался.

– Семнадцать ноль-ноль, пятница, одиннадцатое мая, – сказали мне.

И вот сегодня пятница, одиннадцатое мая, роковой час приближается, и я уже не думаю о семи детях в Йемене, которых своим решением отправил в общую могилу под грудой пепла и обломков медресе.

Сейчас я думаю только о том, что может произойти со страной.

– Где же она? – бормочу.

– До пяти еще есть время. Придет.

– Придет... – повторяю я, меряя комнату шагами. – Откуда тебе знать? Звони...

И тут телефон сам звонит. Кэролайн отвечает:

– Да, Алекс... хорошо... она одна?... да... отлично, делай что должен... да, только быстро.

Положив трубку, Кэролайн поднимает взгляд.

– Она здесь, – говорю.

– Да, сэр, пришла. Ее как раз обыскивают.

Смотрю в окно на покрытое пятнами туч небо.

– Что она мне скажет, Кэрри?

– Хотела бы я знать, сэр. Посмотрим.

Мне велели встретить гостью одному, без свидетелей. В Овальном кабинете я и остаюсь один – физически, потому что Кэролайн будет следить за нами по монитору в комнате Рузвельта.

Куда девать руки – не знаю. В животе – полномасштабная революция.

– Боже, я так не нервничал с тех пор, как... – осекаюсь. – Я ни разу так не нервничал.

– По вам не скажешь, сэр.

Киваю.

– И по тебе. – Кэролайн никогда не проявляет слабости. Прямо сейчас мне это на руку, потому что рассчитывать больше не на кого. Во всем правительстве США, кроме меня, о встрече известно только ей.

Кэролайн уходит, а я встаю у стола и жду, когда Джо-Энн приведет гостью.

Время тянется бесконечно долго. Наконец она открывает дверь.

– Господин президент...

Я снова киваю. Вот оно.

– Впусти ее.

Глава 13

Входит девушка в грубых ботинках, рваных джинсах и сером лонгсливе с надписью «Принстон». Худая, как бродяжка; длинная шея, выступающие скулы и широко посаженные глаза, выдающие в ней уроженку Восточной Европы. Прическа – из тех, что мне никогда не понять: правая сторона выбрита под машинку и прикрыта длинным начесом слева, свисающим до костлявых плеч. Этакая помесь модели Келвина Кляйна и евротрэшевого панка.

Посетители, впервые попавшие в Овальный кабинет, обычно жадно впитывают все детали, дивятся на президентскую печать, на стол «Резолют». Гостя не такая. В ее глазах – за каменной маской на лице – я вижу чистую ненависть. Отвращение ко мне, к кабинету и всему, что он воплощает.

А еще девушка напряжена: боится, как бы на нее не набросились, не заковали в наручник и не надели мешок на голову.

Под описание она подходит, на входе назвала условленное имя. И все равно мне надо удостовериться.

– Назовите пароль.

Девушка выгибает брови. Не от удивления.

– Назовите.

Она закатывает глаза.

– «Темные века», – произносит, катая слова на языке как нечто ядовитое. У нее сильный восточноевропейский акцент.

– Откуда вам известны эти слова?

Она качает головой и цокает языком. Ответа я не получу.

– Я... не понравилась... вашей Секретной службе, – произносит девушка. «Секретной службе».

– На вас среагировали металлодетекторы.

– Не впервой... Как сказать по-вашему?... Куски бомбы...

– Осколки бомбы. Шрапнель. После взрыва.

– Да, точно, – говорит девушка, постукивая себя по лбу. – Пару сантиметров вправо, и я бы не проснулась.

Она просовывает большой палец в петельку на поясе джинсов. В ее глазах вызов.

– Хотите знать... чем я это заслужила?

Это, надо думать, следствие военного удара – приказ на который отдал американский президент – в некой далекой стране. Впрочем, я об этой девушке ничего не знаю. Не знаю ее имени, не знаю, откуда она. Не знаю, что ею движет. И какой у нее план. Позвонив мне четыре дня назад, она пропала из виду. Как я ни старался, ничего о ней разузнать не сумел.

Кроме того, что в ее руках – судьба свободного мира.

– Я вела свою... двоюродную сестру... в церковь, и тут ударила ракета.

Прячу руки в карманы и заверяю девушку:

– Здесь вам ничего не грозит.

Она снова закатывает красивые, медного оттенка глаза. Крутой фасад дает слабинку, и наружу проглядывает испуганный ребенок.

– Ну да. Так я и поверила.

– Даю слово.

Девушка с отвращением отводит взгляд.

– Слово американского президента!..

Из заднего кармана джинсов она достает потертый и сложенный вдвое конверт. Расправляет и кладет на столик у дивана.

– Мой партнер не знает того, что знаю я. Это известно только мне. Нигде не записано. – Она постукивает себя по виску справа. – Здесь только.

То есть она кое-что утаила. Не оставила записи в компьютере, чтобы мы не взломали, не отправила по электронке, чтобы не перехватили. Хранит в единственном месте, куда не в силах проникнуть даже самые продвинутые технологии, – в голове.

– И я не знаю, что знает мой партнер, – добавляет она.

Точно. Они разделились. Каждый держит при себе половину головоломки и потому незаменим.

– Вы нужны мне оба, – говорю. – Я все понял. В понедельник вы ясно дали это понять.

– Сегодня вечером вы придете один.

– Да. Это вы тоже дали ясно понять.

Со столика у дивана девушка берет фотографию: мы с дочкой идем от специального борта ВВС к Белому дому.

– Помню, как в первый раз увидела вертолет. Маленькая была. По телевизору видела. Открывали отель в Дубае. «Мари-Посейдон». Такой... великолепный отель, с под... посадочной площадкой?

– Посадочная площадка. Вертолетная площадка на крыше.

– Точно. Вертолет сел на крышу отеля. Помню, подумала: если люди летают, то могут и... все остальное.

С какой стати она заговорила про отели и вертолеты? Пустая болтовня на почве нервов? Подхожу ближе. Девушка оборачивается и, поставив фото, резко выпрямляется.

– Если я не выйду отсюда, вы моего партнера не увидите. И ничего не сможете остановить.

Беру со столика конверт. Почти невесомый. Сквозь бумагу проглядывает нечто цветное. Секретная служба должна была осмотреть конверт, проверить на подозрительные вещества внутри и всякое такое.

Девушка напряженно пятится – боится, что в дверь ворвутся правительственные агенты и уволочут ее куда-нибудь в комнату для допросов, как в тюрьме Гуантанамо. Реши я, что это поможет, я бы не сомневаясь отдал приказ, но гостя обставила все так, что сделать это невозможно. Она провернула нечто, на что способны очень немногие.

Вынудила играть по ее правилам.

– Чего вы хотите? – спрашиваю. – Зачем так поступаете?

Каменное выражение исчезает с ее лица, губы кривятся.

– Только президент этой страны способен задать такой вопрос... – Ее лицо вновь становится бесстрастным. – Узнаете зачем, – обещает она, кивнув на конверт у меня в руке. – Сегодня ночью.

– То есть мне надо вам довериться.

Тут она смотрит на меня, заломив бровь и поблескивая глазами.

– Я вас еще не убедила?

– Полностью? Нет, не убедили.

Она окидывает меня уверенным и наглым взглядом: мол, дурак, если думаешь, что я блефую.

– Решать вам.

– Постойте, – успеваю я окликнуть ее у самой двери.

Глядя не на меня, а в дверь, девушка отвечает:

– Если мне не дадут уйти, вы моего партнера не увидите. Если за мной будет «хвост», вы моего парт...

– Нет, никто тебя задерживать не станет, – обещаю. – Никто за тобой не будет следить.

Она замирает, держась за ручку двери. Думает. Разрывается. Что у нее в голове, неизвестно.

– Если с моим партнером что-то случится, ваша страна сгорит.
Повернув ручку, она выходит. Вот и всё, ее нет.

Я остаюсь один, с конвертом в руке. Девушку пришлось отпустить. Нельзя отказываться от единственного шанса.

Ладно, допустим, я ей поверил. Допустим, она правдива... Полностью я, однако, ни того ни другого допустить не могу. Должность не позволяет.

Вскрываю конверт; внутри – указания, где состоится следующая встреча. Прокручиваю в голове состоявшийся разговор. Почти ничего существенного я не узнал.

До меня доходит, что она добилась двух целей: вручила послание и убедилась, что мне можно верить, – ведь я ее отпустил.

Отхожу к дивану и сажусь. Неотрывно глядя на конверт, пытаюсь по памяти выудить из слов девушки какие-то крохи информации. Продумать заранее ходы.

В дверь стучат. Заходит Кэролайн.

– Я прошел ее проверку, – говорю.

– В ней и было все дело, – соглашается она. – И в этом, – кивает на конверт.

– А она мою прошла? – спрашиваю. – Откуда мне знать, что все честно?

– Думаю, все честно, сэр.

– Почему?

Лампы на потолке снова мигают, ненадолго превращаясь в стробоскопы. Кэролайн тихо ругается, задрал голову. Вот еще ей забота...

– Почему ты ей веришь? – повторяю вопрос.

– Потому что меня кое-что задержало, сэр. – Она указывает на телефон. – Есть новости из Дубая: там авария.

– С участием вертолета?

Кэролайн кивает.

– Вертолет садился на площадку на крыше отеля «Мари-Посейдон» – и взорвался.

Накрываю лицо ладонью.

– Я проверила время, сэр. Катастрофа случилась уже после того, как девушка вошла в Овальный кабинет. Она просто не могла знать о трагедии.

Откидываюсь на спинку дивана. Выходит, незнакомка осуществила и третью цель: доказала, что она – не «пустышка».

– Ну ладно, – шепчу я. – Убедила.

Глава 14

В ящике комода одна-единственная вещь – портрет Рейчел. Вообще повсюду множество ее фотографий – тех, на которых она полна жизни и счастлива, строит рожицы, обнимает меня и смеется. А эта – только для моих глаз. Ее сделали всего за неделю до смерти Рейчел. Кожа покрыта пятнами из-за «химии», от волос остались редкие пряди. Лицо напоминает череп. Иному человеку такое тяжело было бы видеть: Рейчел Карсон Данкан у последней черты, сдавалась пожирающей ее болезни. Но для меня она здесь как никогда прекрасна и сильна, в ее глазах – улыбка, мир и решимость.

Мы уже не боролись. Нам сказали, что смерть – дело времени, остались считанные месяцы, если не недели. Оказалось, всего-то шесть дней. Эти шесть дней я бы ни на какие другие не променял, потому что были только мы и наша любовь. Мы говорили о наших страхах. О Лилли. Говорили о Боге. Мы читали Библию, молились, смеялись и плакали, пока колодцы наших слез не пересохли. Никогда я не ощущал столь чистой и искренней близости. Такого единения с другим человеком.

– Можно я тебя сфотографирую? – попросил я тогда.

Рейчел хотела было возразить, затем поняла: я хочу запомнить это время, потому что никогда не любил ее так сильно.

– Сэр... – Кэролайн Брок легонько стучится в дверь.

– Да, знаю. – Поцеловав пальцы, прикладываю их к фотографии Рейчел, убираю ее в комод и поднимаю взгляд. – Идем.

На мне обычная одежда, на плече – небольшая сумка. Алекс Тримбл неодобрительно сжимает челюсти – сбывается кошмар любого главы Секретной службы. Впрочем, пусть утешится тем, что выполнял мой прямой приказ.

– Может, все-таки широкий периметр? – предлагает он. – Вы нас даже не увидите.

Улыбаюсь, и эта улыбка говорит: нет.

Алекс со мной с тех самых пор, как я еще губернатором, мало имеющим шансов на успех, участвовал в праймериз. После первых дебатов мой рейтинг взлетел, и я оказался в числе лидеров, уступая лишь фавориту, Кэти Брандт. Я не знал, как Секретная служба распределяет охрану среди кандидатов, но думал тогда, что мне, как темной лошадке, достался не самый лучших охранник. Алекс, впрочем, любил повторять: «Господин губернатор, насколько я знаю, вы уже президент»; а еще он дисциплинирован и организован. Его команда трепетала перед ним, как курсанты трепещут перед сержантом-инструктором. Никто меня не убил, а значит, Алекс все делал верно, о чем я ему и сказал, назначив главой своей охраны.

С телохранителями не сближаются; обе стороны понимают важность эмоциональной отстраненности. Но в Алексе я всегда видел очень доброго человека. Он женился на Гвен, своей возлюбленной со времен колледжа; каждый день читает Библию и ежемесячно отправляет деньги домой матери. Он признается, что не самый умный, зато был чертовски хорошим левым полузащитником¹⁶ и получал спортивную стипендию в университете Айовы, где изучал уголовное право, мечтая поступить в Секретную службу и заниматься тем же, чем занимался на футбольном поле: прикрывать клиента со слабой стороны.

Когда я предложил ему стать главой моей охраны в Белом доме, его безучастное лицо ничуть не дрогнуло. Он так и стоял, вытянувшись по струнке, однако в его взгляде я заметил проблеск радости.

– Может, датчик GPS? – безнадежно предлагает сейчас Алекс. – Чтобы мы хотя бы знали, где вы.

¹⁶ В американском футболе.

– Прости.

Он не понимает, в чем дело. Убежден, что может проследить за мной незаметно. Собственно, наверняка так и есть.

– Бронежилет наденьте, – говорит.

– Нет. Слишком заметно. – Даже новейшие модели видны под одеждой.

Алексу охота высказаться: мол, ведете себя как придурок. Но со мной он себе таких слов не позволит. Ему остается лишь понуро сдаться.

– Берегите себя.

– Обязательно.

Перевожу взгляд на Дэнни и Кэролайн, больше никого в комнате с нами нет. Пора мне уходить – одному и неофициально. Меня всегда и везде непременно сопровождают. Секретная служба не отстает ни на шаг, даже когда я на отдыхе. Каждый час моей жизни расписан. Сегодня у меня единственный шанс спасти страну от неслыханного унижения и исполнить свой долг: защитить, сохранить и оградить США. Частная жизнь моих сограждан в последнее время тоже становится не такой уж и частной: камеры наблюдения, сотовые, социальные сети – все это умаляет свободу. Тем не менее для меня предстоящий выход – нечто новое; я слегка потерял и чувствую себя голым.

Я и подумать не мог, что так трудно незамеченным выбраться из Белого дома. Покидаем резиденцию по лестнице. Идем медленно, с каждым шагом приближаясь к тому, что нас ждет. Я отдаюсь на волю неизвестной судьбы.

– Помните, как мы первый раз здесь прошли? – спрашиваю, припомнив поствыборный тур, еще до присяги.

– Как будто вчера, – отвечает Кэролайн.

– Никогда не забуду, – отвечает Дэнни.

– Мы питали такие... надежды, были так уверены, что сможем изменить мир к лучшему...

Кэролайн говорит:

– Вы – может быть, а я до смерти всего боялась.

Я тоже. Знал ведь, какой мир унаследовал. Мы не тешили себя иллюзиями, будто сможем оставить его после себя совершенным. Каждую ночь в те бурные дни, предшествовавшие инаугурации, меня затягивало в водоворот безумных снов. Что только не снилось: от огромных успехов в международных отношениях, в реформах здравоохранения и уголовного права до кошмарных провалов и кризиса по всей стране.

– Безопаснее, сильнее, честнее и добрее, – перечисляет Дэнни, напомнив девиз, который я повторял каждое утро, когда мы шлифовали программу и набирали команду на предстоящий четырехлетний срок.

Вот мы и на подземном уровне: боулинг с одной дорожкой, комфортабельный командный центр, в котором Дик Чейни укрывался после Одиннадцатого сентября, и еще несколько помещений, оборудованных койками и простенькими столами для совещаний.

Выходим в двери и направляемся к узкому тоннелю, который связывает Белый дом с Министерством финансов – его здание к востоку от нас, на углу Пятнадцатой улицы и Пенсильвания-авеню. О том, что именно находится под зданием Белого дома, идут слухи еще со времен Гражданской войны, когда, опасаясь штурма Белого дома, армия Севера решила прорыть тоннель для эвакуации президента Линкольна. Правда, более масштабные планы воплотили в жизнь лишь при Теодоре Рузвельте: во время Второй мировой над Белым домом нависла реальная угроза бомбежки. Тоннель прорыли зигзагообразный, чтобы смягчить ударную волну, если бомба все же попадет в цель.

На двери установлена сигнализация, но Кэролайн обо всем позаботилась. Сам тоннель шириной всего в десять футов и высотой в семь. Очень неудобно для человека вроде меня –

ростом выше шести футов. Будь у меня клаустрофобия, начался бы приступ. Для привыкшего к тому, что его всюду сопровождает Секретная служба и помощники, выход в пустой тоннель – как шаг на свободу.

Втроем мы проходим до ответвления, ведущего к небольшому подземному гаражу для высокопоставленных чиновников Казначейства и важных гостей. Сегодня тут и меня ждет машина.

Кэролайн вручает мне ключи и сотовый. Я кладу их в левый карман, к конверту, недавно полученному от девушки.

– В памяти есть все номера, – говорит Кэролайн, имея в виду сотовый. – Все, о ком мы говорили. Включая Лилли.

Лилли. Внутри меня что-то обрывается.

– Код помните? – спрашивает помощница.

– Не переживай, помню.

Из-за пояса достаю собственный конверт. На нем – президентская печать, внутри – единственный лист бумаги. Едва увидев его, Дэнни чуть не теряет самообладание.

– Нет, – говорит он. – Я его не открою.

Тогда за конвертом тянется Кэролайн.

– Вскроешь, – говорю, – если придется.

Дэнни хватается за лоб, откинув назад челку, и шепчет:

– Господи, Джон... – Впервые с тех пор, как я занял пост, он называет меня по имени. – Ты вправду решился?

– Дэнни, – шепчу я в ответ, – если со мной что-то случится...

– Нет, всё. – Дэнни старается сдержать чувства. – Лилли мне как родная. Сам знаешь: я ее люблю больше всех на свете.

Дэнни в разводе, его единственный сын сейчас в аспирантуре. Когда родилась Лилли, он ждал в приемном покое; стоял у алтаря на ее крестинах; нервничал, когда она сдавала выпускные экзамены; держал ее вместе со мной за руку на похоронах матери. Сперва он был для нее дядей Дэнни, потом «дядя» отпал сам собой. После меня он для Лилли – ближайший в мире человек.

– Рейнджерский жетон с собой?

– Решил проверить? – Хлопаю себя по карману. – Ни шагу без него. А у тебя?

– Я свой не взял. Значит, проставляюсь. – В горле у него перехватывает. – Теперь ты просто обязан вернуться.

Я пристально смотрю на Дэнни. Он – моя семья, пусть и не по крови.

– Принято, брат.

Оборачиваюсь к Кэролайн. У нас с ней не такие близкие отношения; обнимались-то всего дважды – когда меня выдвинули кандидатом и когда я победил.

Сейчас мы обнимаемся в третий раз. Кэролайн шепчет мне на ухо:

– Ставлю все на вас, сэр. Они не знают, с кем связались.

– Если так, то лишь потому, что ты в моей команде.

Они уходят, а я, потрясенный, но полный решимости, смотрю им вслед. Предстоящие сутки-двое станут для Кэролайн очень нелегкими. Времена просто беспрецедентные, мы в буквальном смысле творим историю.

Итак, мои помощники ушли, я один. Сгибаюсь пополам и, уперев ладони в колени, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы избавиться от мандража.

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, – говорю себе.

Разворачиваюсь и прохожу дальше в тоннель.

Глава 15

В подземный гараж Казначейства вхожу, низко опустив голову и спрятав руки в карманы синих джинсов. Кожаные туфли мягко шуршат по асфальту. В этот час я – не единственный человек на стоянке, так что мое присутствие ни у кого не вызовет подозрений. Правда, одет я не так формально, как сотрудники ведомства: они-то носят костюмы, портфели и бейджики. В наполненном звуками помещении щелкают каблуки, пищат пульта-брелоки, открываются замки и заводятся двигатели. Затеряться нетрудно, особенно когда работники Казначейства погружены в планы на выходные и не обращают внимания на типа в обычной рубашке и джинсах.

Как же это будоражит – оказаться на людях незамеченным! Последние лет десять или даже больше я не смог выйти на улицу так, чтобы меня никто не признал, не сфотографировал неожиданно; чтобы ко мне не подошли люди пожать руку, сделать селфи, поддержать словом или даже обсудить важный политический вопрос.

Машина ждет меня на условленном месте, четвертая слева; неприметный седан серебристого цвета, с вирджинскими номерными знаками. На кнопку «открыть» на брелоке жму слишком долго, отчего раздается серия гудков. Отвык я. Давно сам не водил.

Чувствую себя путешественником во времени, которого загадочное устройство забросило в будущее. Отрегулировав сиденье под себя, включаю зажигание и, обернувшись, медленно сдаю назад. Машина вдруг начинает отрывисто гудеть, и чем дальше, тем настойчивей. Жму на тормоз. За багажником по пути к своей машине проходит женщина. Выходит, сработал какой-то детектор, противоаварийное устройство? На приборной панели – экран камеры заднего вида. То есть можно ехать задом, не вертя головой, просто глядя в дисплей? Десять лет назад ни черта подобного еще не придумали, а если и придумали, то мою машину этим не оборудовали.

Из гаража выезжать приходится по удивительно узким проходам. Как водить, вспоминаю не сразу: дергаю вперед, на тормоз давлю слишком резко. На несколько минут я вновь становлюсь шестнадцатилетним парнишкой, только что выехавшим на побитом «шеви» за тысячу двести долларов с парковки у «Новых и подержанных тачек» Безумного Сэма Келси.

Передо мной целая очередь машин, покидающих гараж. Шлагбаум перед каждой поднимается автоматически. Не надо тянуться из окна и прикладывать карточку к сканеру. Зря я не расспросил о таком помощников.

Наконец моя очередь. Шлагбаум поднимается, и я неспешно выезжаю по пандусу навстречу солнечному свету, осторожно – чтобы вдруг ни на кого не наехать. И вот я на дороге.

Движение плотное, и порывы дать по газам, насладиться временной свободой разбиваются о затор на каждом перекрестке. Небо в синяках туч. Хоть бы дождь не пошел.

Поворачиваю ручку радио – и ничего. Жму кнопку – ничего. Жму другую, и из колонок вырывается звук: меня будто накрывает ударной волной горячего спора в эфире. Двое пытаются перекричать друг друга: совершил ли президент Джонатан Данкан преступление, влекущее за собой импичмент? Снова жму ту же кнопку, и звук пропадает. Лучше сосредоточиться на дороге.

Я думаю о том, куда еду, кого встречу, и мысли то и дело уносят меня в прошлое...

Глава 16

Профессор Уайт, заложив руки за спину, прошелся по подиуму в аудитории.

– Так в чем состояло особое мнение судьи Стивенса? – Вернувшись за кафедру, он заглянул в журнал. – Мистер... Данкан?

Черт. Я всю ночь строчил курсовик и, чтобы не уснуть, сунул за щеку кусок жевательного табака. А эту тему прочитал по диагонали. Тем более нас на потоке целая сотня, и шансы, что меня спросят, были мизерные. Паришвый день. Вопрос каверзный, я не готов.

– Судья Стивенс... не согласился с большинством... по поводу... – Я листал страницы, заливаясь густой краской.

– В общем-то, да, мистер Данкан, особое мнение подразумевает несогласие с большинством. Потому-то оно и называется «особым».

Над рядами пронесся нервный смешок.

– Да, сэр, он... не согласился с тем, как большинство трактовало Четвертую поправку...

– Должно быть, вы путаете особое мнение судьи Стивенса с особым мнением судьи Бреннана, мистер Данкан. Судья Стивенс Четвертую поправку даже не упоминал.

– М-м, да, я запутан... в смысле путаю...

– Да нет, первый раз вы точно сказали, мистер Данкан. Мисс Карсон, окажите любезность, избавьте мистера Данкана от пут незнания.

– Особое мнение судьи Стивенса заключалось в том, что Верховный суд не должен вмешиваться в решения судов отдельных штатов, дабы не поднимать нижнюю планку федеральной конституции...

Я всего четыре недели на юрфаке университета Северной Каролины, и меня уже «спалил» печально известный профессор Уайт. Я обернулся посмотреть на девушку с третьего ряда. Она отвечала на вопрос, а я думал про себя: «Ты пришел неподготовленным в первый и в последний раз, слизень».

Потом присмотрелся к девушке повнимательней: она говорила уверенно, можно сказать, непринужденно: «...однако нижняя планка – не верхняя, и до тех пор, пока каждый штат может судить адекватно и независимо...»

У меня перехватило дыхание.

– Кто такая? – шепотом спросил я у сидевшего рядом Дэнни. Он тоже был на третьем курсе, опередив меня на два года, и знал в универе почти всех.

– Рейчел, – шепнул он в ответ. – Рейчел Карсон, третьекурсница. Потеснила меня на посту главного редактора юридического обозрения.

– Что скажешь?

– В смысле, есть ли у нее парень? Понятия не имею. Но ты произвел на нее неизгладимое впечатление.

* * *

Пара наконец закончилась, но сердце в груди продолжало колотиться. Я вскочил с места и кинулся к выходу из аудитории, надеясь перехватить Рейчел в коридоре посреди моря студентов.

Короткие каштановые волосы, джинсовый жакет...

...Рейчел Карсон... Рейчел Карсон...

Ага, вон она. Отделилась от основной массы и спешит к одной из дверей, но я протолкался через толпу и догнал ее.

– Привет, – сказал я дрожащим голосом. Дрожащим!

Рейчел обернулась и удивленно взглянула на меня светло-зелеными глазами.

– Привет, – неуверенно отозвалась она, пытаясь вспомнить, где меня видела.

– Э-э, да, привет. – Я закинул рюкзак на плечо. – Я, это, хотел спасибо сказать... ну, что спасла меня.

– А ты с первого курса?

– Признаю вину.

– Такое с каждым бывает.

Я перевел дух.

– Ну и, м-м, что... ну... чем сейчас занимаешься?

Да что со мной такое творится? Я выдержал все, чем мучил нас сержант Мелтон. Меня пытали водой, били, подвешивали, мне устраивала ложную казнь Республиканская гвардия Ирака... И у меня вдруг заплетается язык?

– Сейчас? Ну, я... – Она кивнула в сторону двери, у которой мы стояли. Женская уборная.

– О, так ты хотела...

– Вот-вот.

– Тогда иди.

– Разрешаешь? – насмешливо уточнила она.

– Ага, ну, я же как бы задержал тебя... в общем, если надо, то проходи.

Да что со мной такое?

– Ладно, – ответила Рейчел. – Приятно было поболтать.

Потом из-за двери до меня долетел ее смех.

* * *

Прошла неделя, а я все не мог забыть Рейчел. Сердился на себя, напоминая, что первый год в универе – это пора усердной работы, когда надо укорениться. Но, как я ни старался сосредоточиться на персональной юрисдикции и доктрине минимальных контактов или на существенных элементах иска в связи с халатностью, или на особенностях договорного права, перед мысленным взором то и дело всплывал образ девушки с третьего ряда на факультативе по федеральной юрисдикции.

Дэнни навел для меня о ней справки: Рейчел Карсон приехала из небольшого городка в Миннесоте, училась на подготовительных курсах в Гарварде и получила грант на изучение юриспруденции в университете Северной Каролины. Еще она была главным редактором юридического обозрения, первой на своем курсе, и ее ждала работа в некоммерческой организации, оказывающей юридическую помощь бедным. Милая тихоня. Не выделялась среди сверстников и тяготела к обществу людей постарше, сделавших паузу между колледжем и универом.

«Вот черт, – подумал я тогда. – Я ведь тоже паузу делал».

Наконец я набрался храбрости и отыскал Рейчел в библиотеке, где она с подругами сидела за длинным столом. Дохлый номер, сказал я себе, однако ноги оказались иного мнения. Я опомниться не успел, как уже стоял перед Рейчел.

Она отложила ручку и пристально посмотрела на меня.

Я хотел поговорить наедине, но боялся, что если не заговорю сейчас, то не заговорю уже никогда.

«Так говори, – велел я себе, – говори, придунок, пока никто охраны не вызвал».

Достав из кармана листок бумаги, я развернул его и откашлялся. Теперь на меня смотрели все девчонки за столом.

Успел я дважды дураком предстать перед тобой.
Теперь сгораю со стыда – хоть волком вой.
И вот решился на сей раз доверить все бумаге,
Она поможет мне не растерять отваги.

Я украдкой взглянул на Рейчел: она улыбалась. «Ну, пока не сбежала», – заметил я, и одна из подружек хихикнула. Начало выдалось неплохое.

Я – Джонни, из городка близ Бумера, местный,
Воспитан, веселый и вообще интересный.
Однако скажу без утайки: я не богат и без машины совсем.
Зато вроде умный, хоть не пишу философских поэм.

Подруги Рейчел снова захихикали. «Это правда, – сказал я Рейчел. – Я умею читать, писать и всякое такое прочее».

– Не сомневаюсь, не сомневаюсь.

– Мне продолжать?

– Будь так добр, – она махнула рукой.

Мне друг твердит: грызи гранит и помни Уайта науку.
Но голова другим занята, и учеба – мне мука.
Листаю конспекты о судах и префектах, как покорялись
прокурорам высоты,
А в мыслях – зеленоглазая девчонка из Миннесоты.

Рейчел зарделась. Ее подруги за столом принялись аплодировать.

Я поклонился в пояс и сказал:

– Благодарю, – стараясь как можно лучше изобразить Элвиса. – Буду здесь всю неделю.

Рейчел на меня даже не посмотрела.

– Вообще-то я зарифмовал Миннесоту с...

– Да, впечатляюще, – закрыв глаза, согласилась она.

– Ну, тогда ладно. Дамы, с вашего позволения, я притворюсь, что все прошло гладко, и удалюсь, пока еще побеждаю по очкам.

Уходил я медленно, чтобы Рейчел, если б захотела, могла меня окликнуть.

Глава 17

Вынырнув из воспоминаний, заезжаю на парковочное место – ровно там, где и было условлено, в трех милях от Белого дома. Останавливаюсь и глушу мотор. Поблизости никого.

Схватив сумку, выбираюсь наружу. Черный ход напоминает дебаркадер: ступеньки ведут к большой двери без ручки.

Из динамика интеркома раздается скрипучий голос:

– Назовитесь, пожалуйста.

– Чарльз Кейн.

Секунда – и толстая дверь приоткрывается. Подцепив ее за край, распахиваю.

Внутри – место погрузки; людей нет, кругом коробки, контейнеры и тележки. Направо – грузовой лифт, двери открыты.

Нажимаю верхнюю кнопку, и двери закрываются. Лифт, сперва просев, начинает подниматься. Механизм скрипит.

Голова слегка кружится. Упираюсь рукой в стенку, и в памяти всплывают слова доктора Лейн.

Когда кабина останавливается, а двери открываются, осторожно выхожу в роскошный холл. В светло-желтых стенах с репродукциями Моне единственная дверь – в пентхаус.

Стоит приблизиться, как она открывается.

– Чарльз Кейн, к вашим услугам, – говорю.

В дверях стоит Аманда Брейдвуд, оценивающе глядя на меня. На ней черные обтягивающие брюки и тонкий свободный свитер поверх облегающей рубашки. Ноги босые. Длинные волосы – отращенные для роли в недавнем фильме – собраны в хвост на затылке; несколько прядей обрамляют овал лица.

– Ну здравствуйте, мистер Кейн, – приветствует она меня. – Прости, что заставила попеть, – охранник у парадного входа слишком любит совать нос не в свои дела.

Журнал, посвященный шоу-бизнесу, назвал Мэнди одной из двадцати красивейших женщин мира. И одной из двадцати самых высокооплачиваемых актрис Голливуда. Год назад она получила второго «Оскара».

Они с Рейчел жили вместе четыре года учебы и общались после – так тесно, как могут общаться юрист из Северной Каролины и кинозвезда международного уровня. Позывной «Чарльз Кейн» – идея Мэнди: лет восемь назад мы вдвоем сидели на заднем дворе губернаторского особняка и за бутылочкой вина сошлись на том, что нет лучше фильма, чем «Гражданин Кейн» Орсона Уэлса.

Она качает головой, на ее губах медленно расцветает улыбка.

– Боже, боже. Баки, щетина... – Мэнди целует меня в щеку. – Колючий... Ну, не стой как бедный родственник, проходи уже.

Меня преследует ее аромат. Рейчел парфюм не жаловала, но ее гель для душа и лосьон для тела – или как там называются все эти кремы, лосьоны и мыло – пахли ванилью. Наверное, до конца жизни, услышав этот запах, я буду вспоминать голые плечи Рейчел и ее нежную шею.

Говорят, ничто не помогает пережить смерть супруги. Это тем более правда, когда вдовец – президент, а вокруг него разверзся ад и на гобре времени не остается. Тебя ждет слишком много неотложных решений, и над страной постоянно висят угрозы, которые приведут к катастрофе, если отвлечься хоть на секунду. Когда у Рейчел наступила терминальная стадия болезни, мы как никогда пристально следили за Северной Кореей, Россией и Китаем, зная: лидеры этих стран только и ждут от Белого дома проявления слабости. Я даже подумывал временно оставить пост. Дэнни подготовил бумаги, но Рейчел и слышать об этом не хотела. Она твердо решила: ее болезнь не заставит меня уйти.

За три дня до смерти Рейчел – мы тогда вернулись в Роли, чтобы похоронить ее дома, – Северная Корея испытала межконтинентальную баллистическую ракету. Я приказал отправить в Желтое море авианосец. В день похорон я стоял над могилой жены, держа за руку дочь, а на наше посольство в Венесуэле напал подрывник-смертник. И через полчаса я уже обсуждал с генералами на кухне пропорциональный ответный удар.

Поначалу кажется, будто пережить личную потерю проще, если мир вокруг постоянно требует внимания. Ты слишком занят, на грусть и тоску просто нет времени. Потом с ужасом понимаешь: ты утратил любовь всей жизни, твоя дочь осталась без матери... Бывает, трудно-стям только радуешься, бывает – чувствуешь щемящую тоску, одиночество, пусть даже ты пре-зидент. Прежде я ничего подобного не испытывал. Первые два года приходилось принимать много трудных решений, часто – просто молиться, что не ошибся; порой становилось неважно, сколько у меня помощников, ведь ответственность лежала целиком на моих плечах. Однако одиночества я не испытывал ни разу. Со мной всегда была любимая, которая не стеснялась меня критиковать, призывала стараться изо всех сил и потом, когда все было позади, обнимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.